

Бренд сайта zvorykins.ru -
изобретатель телевидения
Зворыкин Владимир Козьмич

Новое о Муроме прежнем, городском голове Ермакове А.В. и сподвижнике его - Ержемском Г.И..

В свое время С. Есенин писал о Москве :

« Я люблю этот город вязевый,
Пусть обрюзг он и пусть одрях.
Золотая дремотная Азия
Опочила на куполах ».

Куполов же в Москве было великое множество; говорили, что одних церквей в Москве было «сорок сороков», т.е. упрощенно – «сорок раз по сорок». Не вдаваясь в этимологию выражения «сорок сороков», можно отметить, что к 1917 году в московских церквях насчитывалось 1620 церковных престолов [1]. И на всех куполах московских церквей того времени «опочила дремотная Азия».

В Муроме прежнем, если исторически относить его к середине XIX века, а точнее ко времени, когда городским Головой стал купец 1-ой гильдии Ермаков Алексей Васильевич (что произошло в 1863 году) церквей и церковных куполов было, конечно, много меньше, чем в Москве, но тоже - число не малое. И узорочье Муромских храмов, и золото церковных куполов, и орнаментальная старославянская вязь церковных надписей и различных письменных документов, оформленных такой вязью, - всё это было также, как и в тогдашней Москве. Поэтому и Муром, как и Москву, можно было назвать «городом вязевым». Но ко всему этому надо ещё и сказать, что в отличие от Москвы на куполах тогдашнего Мурома «опочила» не просто «дремотная», а «беспросыпная Азия» – настолько отсталым во всех отношениях по сравнению с цивилизованной Европой того времени было и хозяйственное устройство города, и весь уклад жизни тогдашних горожан.

Но вот к управлению городом после очередного избрания городского Головы приступает Ермаков А.В., и за крайне короткий по всем историческим меркам срок, который, как говорится, отпущен был ему Богом на оставшуюся жизнь (а умер Ермаков А.В. в 1869 году), в Муроме происходят разительные изменения к лучшему буквально во всем, что касается жизни горожан, всей обстановки и условий их проживания в городе.

И в появлении всех таких изменений в жизни города была несомненная заслуга Ермакова А.В.. Они явились плодом его кипучей развернувшейся деятельности на благо города, в которой ярко проявились такие присущие ему качества как: незаурядный природный ум (что особо отмечалось и подчеркивалось очень многими – см., например, [2, 3 и др.]); способность из множества стоящих и постоянно возникающих проблем выделять главные и своевременно и правильно решать их;; его большие организационные способности и умение работать с людьми; да и еще много всего другого, что в совокупности характеризует Ермакова А.В. как одного из самых выдающихся личностей во всей истории города Мурома. Не боясь ошибиться можно сказать, что это был великий Муромский городской Голова.

Емкую и точную оценку деятельности Ермакова А.В. на посту городского Головы Мурома дал такой российский исторический деятель, как Богданович Е.В. - сановный царский чиновник, государственный общественный деятель, писатель и публицист, во многом близкий по своим жизненным взглядам Ермакову А.В., и ставший другом того напоследок его жизни (более подробнее о Богдановиче Е.В. см. далее – *Н.З.*). В своей статье «Памяти русского гражданина Алексея Васильевича Ермакова» [4, 5], которую по сути можно считать правительственным некрологом умершему Ермакову А.В., Богданович Е.В. особо выделил то, что Ермаков А.В. был той исторической личностью, который «превратил Муром из города азиатского в город европейский».

Бескорыстие А.В. Ермакова стало «притчей во языцех» у всех жителей Мурома. Из своего личного накопленного капитала он тратил большие средства на различные виды пожертвований и благотворительности в городе, и делал это постоянно.

Так сложилось, что у супругов Ермаковых – Алексея Васильевича и Марии Ефимовны – не было своих собственных детей, и, пожалуй, самым любимым детищем Алексея Васильевича до конца его жизни был и оставался постоянно преобразуемый и всесторонне улучшаемый им, навсегда полюбившийся ему город Муром.

Во благо своего любимого города он тратил не только большие личные денежные средства и всё свое время, но, как показала дальнейшая жизнь, - и никогда не

сберегаемое им ранее и уже значительно подорванное постоянной работой собственное здоровье.

В одной из публикаций о нем [6] приводится история о том, как он решил всё же по уговору супруги для поправки здоровья съездить вместе с ней на курорт, но уже, когда он собрался и отправился туда, по дороге на выезде из города ему попала на глаза какая-то ранее не замечаемая им неполадка в городском хозяйстве, из-за которой он отдал распоряжение отменить свою поездку на курорт, вернулся домой, собрал нужных ему людей и занялся устранением усмотренной им неполадки. А на курорт для поправки своего здоровья ему съездить так и не удалось.

Насколько достоверна эта история – сказать трудно: скорее всего, это один из многих мифов, тех народных баек и устных пересказов, которые возникали в народе в связи с Ермаковым А.В. Но сам по себе факт его народной мифологизации – весьма примечательный: он также свидетельствует о значимости этой личности.

Однако в историческом аспекте правильнее будет отделить встречающиеся в имеющихся многочисленных публикациях и приводимых сведениях о нем недостоверные, ошибочные, непреднамеренно каким-то образом приукрашиваемые или искаженные данные от истинных фактов и данных, касающихся его, историческая достоверность которых на сегодняшний момент является бесспорной. Иными словами во всех сведениях о Ермакове А.В., а также в сведениях напрямую или каким-то образом связанных с ним важно отделить «зерна от плевел» (Примечание для справки: «плевелы» в переводе со старославянского означают «сорняки» - Н.З.). Этому и посвящена данная публикация, основанная на проведенных исследованиях многочисленных источников, перечень которых, как принято, приведен в конце публикации.

С целью выполнения задачи «отделения зерен от плевел» в имеющихся на сегодня биографических данных о Ермакове А.В., как напрямую, так и косвенно связанных с ним. уточнить такие данные и устранить имеющиеся расхождения и неточности в различных источниках, далее представлены в удобном для обозрения виде выверенные и уточненные данные и сведения о Муромском периоде его жизни (см. Табл. 1).

Таблица 1.

**Основные вехи Муромского периода жизни и деятельности Ермакова А.В.
(с 1847 г. по 1869 г.)**

№ п/п	Значимая веха (событие, факт, совершившееся действие)	Дата (год, месяц), календарный интервал	Примечание
(1)	(2)	(3)	(4)
1	Переезд Ермакова на место жительства в город Муром (в возрасте 49-и лет) и дальнейшее его постоянное проживание там в собственном доме на Успенской улице	1847 год	
2	Последовательное повышение ранга своей купеческой гильдии от низшей 3-ей гильдии до высшей 1-ой гильдии	1850 - 1855 годы.	
3	Избрание Ермакова городским сообществом попечителем городско больницы и дальнейшее пребывание его в этой должности в течение 16 лет. (Для больницы на средства Ермакова были выстроены флигель для женского отделения, аптека и цейхгауз).	1851 год	Цейхгауз использовался для складирования инвентаря больницы и запаса продуктов

(1)	(2)	(3)	(4)
4	Открытие в Муроме по инициативе Ермакова 4-х классного городского училища для девочек и утверждение его почетным блюстителем училища (Училище впоследствии было преобразовано сначала в женскую прогимназию, а затем в женскую гимназию).	1860 год	Прогимназии в России были учреждены в 1864 году
5	Строительство на средства Ермакова кирпичного двухэтажного корпуса для обитательниц Троицкого женского монастыря	1863 год	
6	Избрание Ермакова Городским головою Муром	1863 год	Данное избрание Ермакова считается вторичным. Ранее до этого по итогам выборов Городского головы 1857 года Ермаков получил большинство, но отказался от такой должности
7	Встреча Ермакова с прибывшим в Муром с инспекторским визитом правительственным чиновником Богдановичем Е.В. С этой встречи Богданович Е.В. стал дружен с Ермаковым	1863 год	
8	Рассмотрение Ермаковым подготовленных откомандированным в Муром по распоряжению Богдановича Е.В. инженером – подполковником Ержемским Г.И. технико-экономических проектных предложений по сооружению городского водопровода и достижение ими обоюдного согласия в этом	1863 год	
9	Заложение фундамента водонапорной башни, как начало сооружения на средства Ермакова Муромской городской системы водоснабжения по проектно-инженерным и архитектурным предложениям Ержемского Г.И.	11 июля 1863 г.	
10	Издание указа правительствующего Сената о возведении Ермакова вместе с его супругой в Потомственное Почетное Гражданство	сент. 1863 года	
11	Открытие в Муроме выстроенного на средства Ермакова и содержащегося за его счет детского приюта	23 декабря 1863 г.	

(1)	(2)	(3)	(4)
12	Сооружение из материалов купленных Ермаковым и разобранных зданий старых соляных амбаров специальных помещений для размещения казарм команды воинской городской внутренней стражи и всех сопутствующих воинских служб	1864 год	
13	Коренное реформирование по инициативе Ермакова городской пожарной команды с заменой её штата на вольнонаемный и содержание его за счет городской управы	1864 год	
14	Торжественное открытие в Муроме городского водопровода, сооруженного на средства Ермакова, и безвозмездная передача его Ермаковым в собственность города	12 августа 1864 г.	
15	Осуществление на средства Ермакова капитального ремонта всех каменных сооружений Троицкого монастыря с золочением его металлических куполов	1864 год	
16	Организованное Ермаковым переселение жителей из непригодного для их проживания места в Успенском овраге на другое место в районе «Нового штапа»	1864 - 1865 гг.	
17	Перенос по предложениям Ермакова пожароопасного месторасположения городской ярмарки на окраинный городской выгон и возведение там всех необходимых ярмарочных сооружений	1864 год	
18	Награждение Ермакова орденом Св. Владимира 4-й степени	22 января 1865 г.	
19	Получение Ермаковым разрешения Владимирского губернатора на открытие с 1 января 1866 года Муромской городской библиотеки	декабрь 1865 г.	
20	Награждение Ермакова орденом Св. Станислава 3-ей степени	1866 год	
21	Третье избрание Ермакова Муромским городским головою на очередной срок	1866 год	
22	Установка по ходатайству горожан и с разрешения Министра внутренних дел Российской империи в зале Муромской городской думы портрета Ермакова	1867 год	
23	Торжественное празднование в Муроме трехлетней годовщины сооружения городского водопровода	30 августа 1867 г.	
24	Открытие построенного на средства Ермакова и содержащегося за его счет нового городского театра, в котором по приглашению Ермакова гастролировали такие корифеи Российской театральной сцены, как Стрепетова П.А., Ленский А.П. и др.	1867 год	

(1)	(2)	(3)	(4)
25	Получение Ермаковым правительственного разрешения на установку в Муроме телеграфа и сооружение на его средства городской телеграфной сети	1867 год	
26	Переоснащение по решению городской управы системы уличного освещения с заменой масляных фонарей на керосиновые	1867 год	В городе было установлено 215 керосиновых фонарей
27	Доклад Ермакова на земском уездном собрании о состоянии начального школьного образования в уезде и принятие собранием его предложения об оборудовании земством в уезде 25 новых начальных школ	1867 год	
28	Присвоение городским сообществом Муромскому детскому приюту наименования «Приют имени супругов А.В. и М.Е. Ермаковых»	1868 год	
29	Достижение Ермаковым договоренности с правительственными органами Российской империи о строительстве железной дороги, которая должна соединять Муром с другими городами империи, и заключение им договора на постройку железной дороги от Мурома до Коврова с выделением для этих целей подрядчику 100 тыс. рублей его личных средств на особых условиях	2 июля 1869 года	Железная дорога Муром – Ковров была пущена лишь в 1880-м году
30	Кончина Муромского городского Головы Алексея Васильевича Ермакова	в ночь с 8 на 9 августа 1869 года	

В вышеприведенной таблице кратко зафиксированы основные биографические сведения о Ермакове в Муромский период его жизни, которые дают вполне определенное представление о нем, как о самобытной, неординарной и весьма яркой исторической личности.

Но все же представления о нем у знакомящихся с данной публикацией будут более полными и более информативными, если одновременно здесь будут приведены также и его фотографические и художественные изображения, причем изображения не вымышленные, а что называется, оригинальные, «с натуры».

Такого рода известных в настоящее время прижизненных изображений Ермакова А.В., увы, сохранилось немного.

А точнее - их известно всего только три:

- первое из них – это его снимок на групповой фотографии членов Муромской городской Управы (см. Илл. 1);
- второе – это выполненный неизвестным фотографом фотопортрет Ермакова А.В., где он представлен со всеми имеющимися у него регалиями (см. Илл. 2);
- третье – это созданный художником А.Г. Горавским портрет Ермакова А.В., который «по приговору» всех членов городской Думы был помещен в зале Думы (см. Илл. 3).

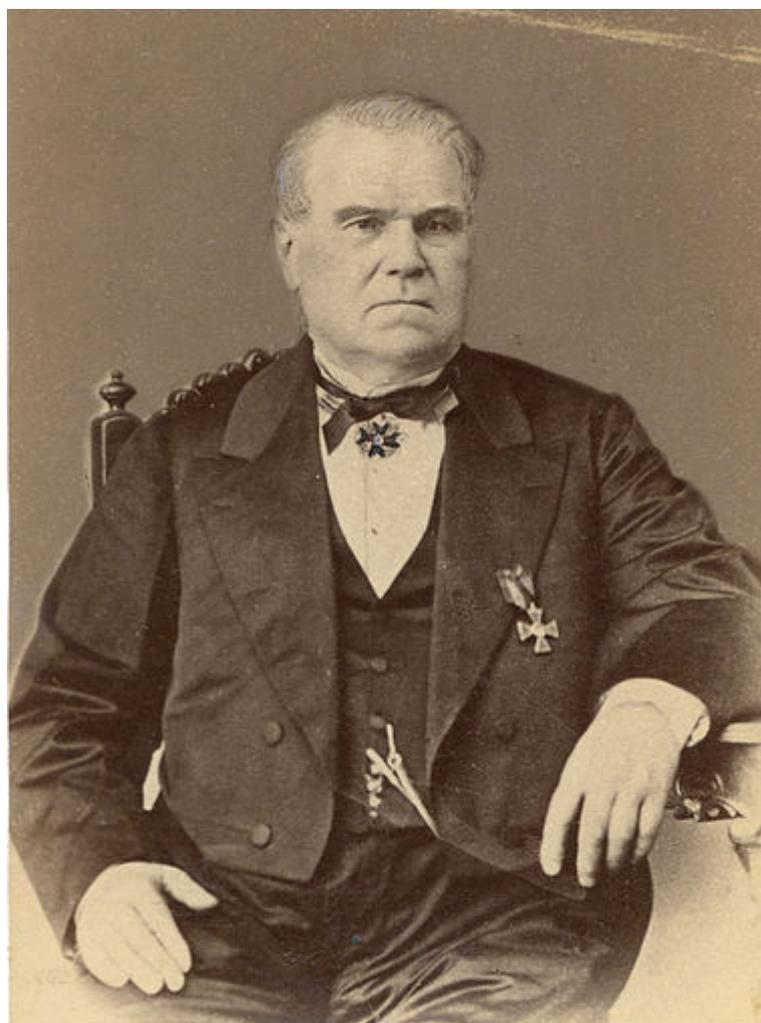
Все они в отмеченной последовательности и представлены здесь далее.

Прежде всего на Илл. 1 показан относящийся к 1866 году снимок членов Муромской городской Управы во главе с городским Головою Ермаковым А.В., который по действующим законодательным положениям того времени одновременно являлся и председателем городской Управы.

Илл. 1. Члены Муромской городской Управы. Третий справа – Ермаков А.В.
Снимок 1866 года.

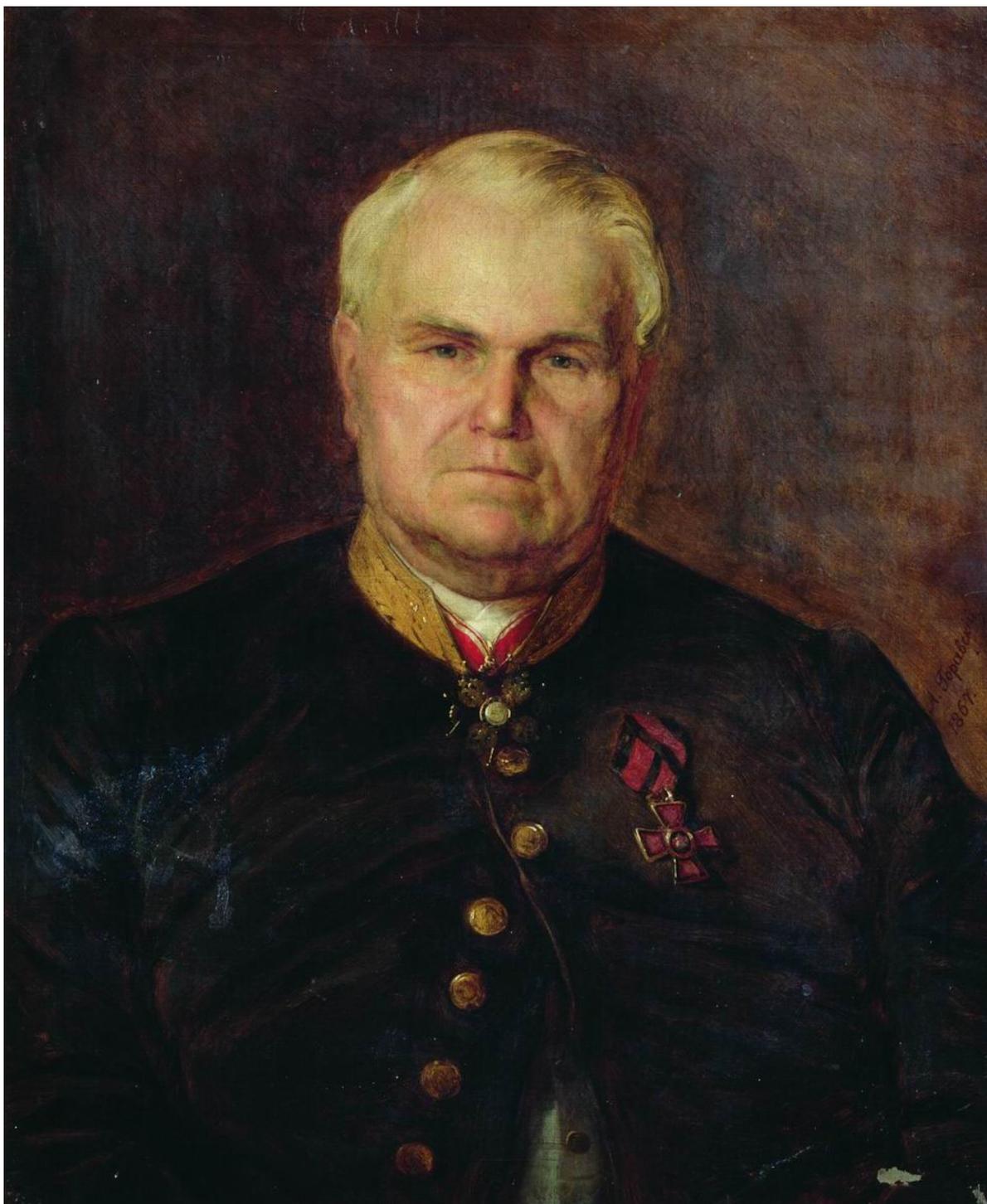
Далее на Илл. 2 показан фотопортрет Ермакова.

Н. Сагина Г. МУРОМЪ.

Илл. 2. Фотопортрет городского Головы Ермакова А.В.
Фотограф неизвестен. Фотокопия Н. Сагина, 1890-е годы.

И в завершение показа на Илл. 3 представлен его художественный портрет.

Илл. 3. Портрет Муромского городского Головы А.В. Ермакова.
Художник Горавский А.Г.. 1867 год

Об истории создания данного портрета сообщается в статье Сазоновой Е.И. (см.[4]). Сазонова Е.И., в частности, пишет: «В музейном архиве имеется «Дело о разрешении постановки в зале Городской Думы портрета Городского головы и кавалера Ермакова»(см. [7]). В нем есть «ходотайство» горожан перед Министерством внутренних дел, где описываются все заслуги А. В. Ермакова. В конце следует заключение, что «портрет сей нужен, чтобы не только увековечить имя и память о делах его, но и в назидание потомкам»

Сазонову Е.И. дополняет в своей статье и Э. Матонина (см.[6]), которая пишет: «Муромским обществом был составлен в свое время “приговор”»: поместить в рабочем

зале местной думы изображение Ермакова А.В., с тем чтобы каждый “взирая на его портрет, имел его своим примером”».

Выполнение самого портрета заказали художнику Горавскому А.П..

Надо заметить, что Аполлинарий Гиляриевич Горавский (1833 – 1900) был весьма известный в России в то время художник - портретист и пейзажист. В 1861 году ему было присвоено звание академика живописи. С 1865 по 1885 г. он преподавал в Рисовальной школе Общества поощрения художеств в Петербурге. Был дружен с П.М.Третьяковым. Широко общался с многими выдающимися русскими художниками. Известен его портрет, выполненный художником Крамским И.Н.(см. Илл. 4).

Илл.4. Художник Крамской И.Н.. Портрет А.Г. Горавского. 1867 г.

Интересно то, что этот портрет был создан Крамским И.Н. в тот же год, когда сам Горавский А. Г. писал портрет Ермакова А.В.. И если Крамской И.Н., наш выдающийся русский художник, известный наверно каждому своей картиной «Незнакомка», портретами Толстого, Некрасова, Салтыкова-Щедрина и многих других наших великих русских, мог в своих картинах проникать в сущность, самую суть человека, как сумел это он и в своем портрете Горавского А.Г., то Горавский, в свою очередь, уже в своем портрете Ермакова А.В. тоже сумел выразил всю сущность его, как выдающейся исторической личности (и не побоюсь повториться, и это не будет преувеличением с моей стороны, назвать его не просто выдающейся, а даже великой личностью).

Что, прежде всего, бросается в глаза в портрете Ермакова? Конечно, это его (Ермакова) ум, решительность, воля, словом – его незаурядность.

Это подчеркивается и теперешними нашими современниками при ознакомлении их с портретом Ермакова кисти Горавского. Здесь можно, например, снова указать упоминаемый в начале данной публикации источник [3], где по этому поводу отмечено, что портрет Ермакова «убеждает в незаурядном уме, решительности и смелости этого человека, посвятившего свою жизнь городу».

Нельзя не упомянуть здесь и отзыв о Ермакове А.В. о его уме и незаурядности, оставленный его современницей, хорошо его знавшей, нашей великой русской актрисы прошлого Аполинарии (Пелагеи) Антипьевны Стрепетовой (1850 – 1903).

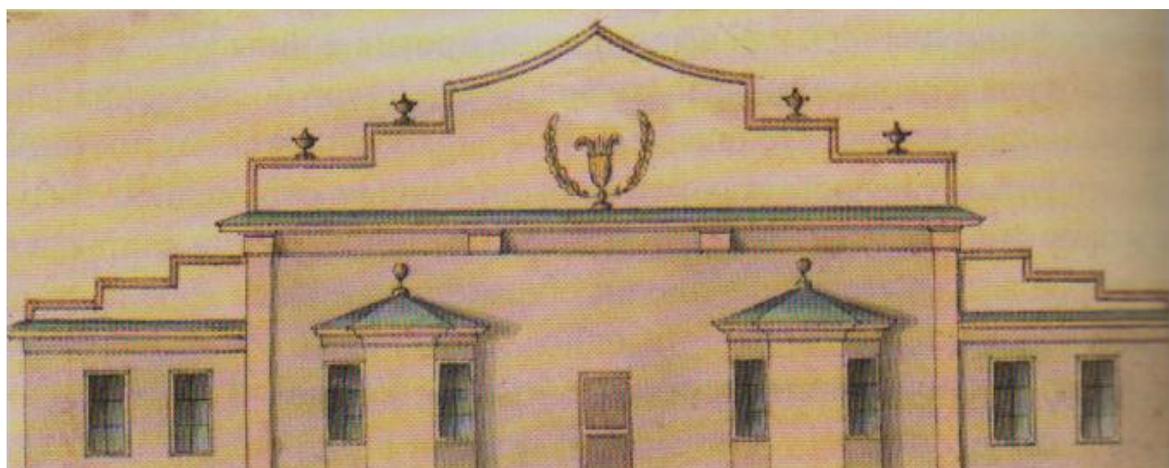
Но прежде небольшая справка о ней. Как указано в Википедии, «Стрепетова П.А. — российская театральная актриса. Её талант ценили И. С. Тургенев, В. И. Немирович-Данченко, П. И. Чайковский. Портреты Стрепетовой писали И. Е. Репин, В. М. Васнецов, Н. А. Ярошенко. Свои воспоминания об исполнительском мастерстве П. А. Стрепетовой оставила писательница А. Н. Пешкова-Толиверова, ставшая её подругой».

Сама Стрепетова оставила нам свои, весьма объемные воспоминания, (см [2], свидетельствующие также и об её писательском таланте.

Ну, а что касается упомянутых портретов Стрепетовой, то, пожалуй, лучшим из них стал её портрет, созданный И.Е. Репиным. Причем по «задумке» Репина первоначально это был подготовительный этюд к создаваемой им картине на революционную тему. Картина, как было признано, «не удалась» [8], зато этюд к ней стал вполне самостоятельным произведением, известным под названием «Портрет актрисы Стрепетовой», и признанным шедевром русской живописи.

В своих же воспоминаниях о Муроме и Ермакове А.В. Стрепетова писала буквально следующее: *«Вечный беспорядок, царивший в поволжских городах, где пыль или (смотря по погоде) невылазная грязь, нечистота, отсутствие мостовых почти на всех улицах, кроме главной, гнилые доски тротуаров, горы мусора у заборов, - словом, весь тот ужасающий хаос, который мы привыкли встречать там, рисовал нашему воображению уездный город Муром уже в виде настоящего вертепа. Каково же было наше изумление, когда мы, въехавши в Муром, не только не нашли ни одной из вышеуказанных прелестей, а, наоборот, перед нами был небольшой милый городок, прекрасно вымощенный, с фонтанами на площадях, с водопоями для деревенских лошадей, прибывающих сюда в изрядном количестве в базарный день; а главная площадь с собором посередине своей необычайной красотой даже смело могла бы сделать честь картине любого незаурядного художника. Театр маленький, но уютен, красив и удобен. Всем этим, как мы узнали после, город был обязан единственно городскому голове Ермакову, бездетному старику, человеку в высшей степени умному, деятельному и притом страстному любителю театра. После его смерти город начал приходить постепенно в упадок и в конце концов стал, говорят, неизвестным».* (Курсив и жирный шрифт в приведенной цитате мои – Н.З.).

Ну, а построенный Ермаковым в 1867 году театр, о котором так тепло написала Стрепетова, показан на акварельном рисунке того времени, приведенном на Илл.5

Илл. 5. Здание первого Муромского театра. Акварель. Автор неизвестен

Портрет же Стрепетовой, созданный Репиным, показан на Илл. 6.

Илл. 6. Художник Репин И.Е.. Портрет актрисы Стрепетовой. Холст, масло
1882 год

Обобщая все приведенные выше различные высказывания и отзывы о Ермакове, можно заключить, что прежде всего и, наверное, главное присущее ему качество – это его недюжинный ум. Однако чтобы совершить то, что совершил Ермаков для Муром, построив в городе на свои средства самый образцовый для того времени городской водопровод, сделав тем самым мощнейший цивилизационный прорыв в застойной жизни купеческого Муром, одного ума тут было явно недостаточно. Для этого нужны были еще и определенные знания.

А вот со знаниями у Ермакова было гораздо хуже. Надо сказать, что по своей жизни он не получил даже элементарного систематического начального школьного образования,

и все свои имеющиеся у него довольно обширные знания приобрел путем самообразования. Это сам Ермаков, что называется, непосредственно.

Но ведь для сооружения городского водопровода он сумел (пусть даже с помощью Богдановича Е.В.) привлечь Ержемского Г.И. – человека в высокой степени образованного и обладающего всеми необходимыми знаниями по проектированию, технологии изготовления, монтажу и установке городских водопроводов. Так что с точки зрения обеспеченности необходимыми знаниями при постройке городского водопровода у Ермакова было тоже все в порядке.

И тут самое время обратиться к личности еще одного персонажа, которому Муром обязан сооружением своего городского водопровода, Ержемскому Георгию (или по устаревшему варианту его имени – Егору – Н.З.) Ивановичу (24.01.1815 – 24.11.1885).

Происходил он из старинной обрусевшей дворянской небогатой немецкой семьи, обосновавшейся в свое время в поселении, или так называемом «местечке» Ержемовка, располагавшемся на территории бывшей Речи Посполитой.

Все его предки по отцовской линии – отец, дед, прадед, как указывается в [9], были «лекарями», служили в воинских лазаретах. Его старший брат Константин Иванович (1814 – 1866) коллежский советник, тоже был «лекарем». Он служил окружным врачом в сельском лазарете в уже упомянутом местечке Ержемовка в Воспитательном доме Ведомства императрицы Марии Федоровны, Надо также отметить, и это важно иметь в виду в дальнейшем, что все отмеченные здесь Ержемские по своему вероисповеданию были лютеране.

Основные вехи в биографии Ержемского Г.И. обозначены в содержащемся в Российском Генеалогическом Фонде (РГФ) описании (см. [10]), которое, правда, имеет определенные пробелы и на сегодня нуждается в уточнении ряда мест и необходимой правке.

В этом описании отмечено, что свое обучение Г. И. Ержемский проходил в Институте Корпуса инженеров путей сообщения (ИКИПС), куда поступил 16.10.1831 года кадетом на казенное содержание.

Краткие сведения об ИКИПСе того времени содержатся в размещенной в Википедии справочной статье о нем (см. [11]) и по сути дублирующей её статье из Викитеки (см. [12]). В данных источниках, в частности, отмечается, что 20 ноября 1809 года был издан Высочайший манифест, согласно которому (далее, как в оригинале – Н.З.):

«Утверждается Корпус Инженеров, которому быть на положении воинском.

Рассадником будущих инженеров должен быть Институт.

Учреждается в С. Петербурге Институт для Корпуса Инженеров.

Никто не будет принят в Институт, если не имеет по крайней мере 15 лет от роду, если не будет здорового сложения, и сверх того не будет уметь говорить и писать по русски и по французски

Науки будут преподаваемы на русском и на французском языках.

В первые два года воспитанники обучаются Арифметике, Алгебре до уравнений третьей степени, в том числе и прогрессиям, Логарифмам, Геометрии плоской Тригонометрии, съемке на плане местных положений и Нивелированию, Рисовальному искусству и Архитектуре.

В третьем и четвертом году, они обучаются стереометрии, разрезке и кладке камней, плотничной работе, коническому сечению, выводке сводов, основаниям механики и гидравлики, правилам производить работы, составлять проекты и сметные на материалы исчисления, также обряду производства дел и счетов при публичных строениях

В институте должны были быть профессора Рисовального искусства и Архитектуры.».

Торжественное открытие Института последовало 1-го ноября 1810 года.

Данный институт являлся первым в России высшим техническим заведением в области транспорта и строительства и готовил инженеров путей сообщений широкого профиля — специалистов по проектированию, строительству и эксплуатации всех дорожных и гидротехнических сооружений. Размещался он в С.-Петербурге в бывшем Юсуповском дворце.

Институт быстро превратился в самое престижное инженерное высшее учебное заведение России. Он обеспечивал европейский уровень подготовки специалистов, с основательной физико-механико-математической базой знаний.

В первые годы институт был открытым учебным заведением с 4-летним сроком обучения. К вступительным испытаниям допускались дети дворян и военнослужащих в возрасте 15 – 23 лет, окончившие гимназии, юнкерские и другие школы. Первоначально лекции читались на французском языке. В 1823 г. институт преобразовали в закрытое учебное заведение военного типа, его выпускники получали офицерские чины.

В 1864 г. институт стал гражданским и был переименован в Институт инженеров путей сообщения (ИИПС). В нем могли учиться не только дворяне, но и представители других сословий.

Все отмеченное выше об ИКИПС свидетельствует о высочайшем уровне инженерной подготовки, который получил, обучаясь в нем Г.И. Ержемский. А о его учебных способностях говорит тот факт, что он успешно закончил первую ступень обучения с присвоением звания «прапорщика по экзаменам в науках» и как способный к дальнейшему обучению был переведен на завершающий курс обучения в институте.

Окончил он институт в 1835 году в звании инженера – подпоручика, затем работал в различных Округах Путей Сообщения и на различных должностях, начиная с должности инженера-поручика (1837 год) и кончая должностью инженера-подполковника, в которой он в 1852 году был уволен со службы (с правом ношения мундира) по его прошению по домашним обстоятельствам.

Выйдя в отставку Ержемский Г.И. стал активно заниматься делами дворянского самоуправления на уездном и губернском уровнях.. Был официально занесен в «Список дворянских родов, внесённых в «Родословную книгу Дворянского Депутатского собрания Владимирской губернии» [13]. В 1857 году Ержемский Г.И. был избран депутатом дворянства по Вязниковскому уезду Владимирской губернии и имел намерение стать депутатом дворянства от Владимирской губернии.

Но в это время он получил предложение от Шепелева Н.Д., одного из наследников бывшей огромной, так называемой «металлургической Приокской империи» Баташевых (впоследствии перешедшей по наследству к Шепелеву Д.Д., знаменитому генералу, еще времен М.И.Кутузова), стать одним из опекунов (или иначе – управляющих) доставших ему наследственных владений.

Надо сказать, что «Приокская металлургическая империя» охватывала весьма большую территорию, с возведенными на ней более чем двумя десятками металлургических (преимущественно чугунолитейных) заводов. Наследникам графа Шепелева досталось во владение огромное хозяйство: 10 заводов, тысячи мастеровых и крепостных крестьян, более 100 тысяч десятин земельных и лесных угодий (см. [13]).

Но из-за неумелого управления этим хозяйством его владельцы находились чуть ли не на грани разорения и, как указано в отмеченном источнике [13]: «к середине 1840-х годов шепелевские долги достигли 2,5 миллионов рублей». Правда, в последующее десятилетие, за период с 1846 по 1856 год, когда на Шепелевских заводах была учреждена правительственная опека (которую можно назвать первой по времени введения, потому что далее последовала еще одна) и опекуном был назначен полковник - артиллерист в отставке В.А. Сухово – Кобылин, общая сумма долга составила уже 321 964 рублей и не выплаченный остаток был - 83626 рублей [14].

Взвесив все это, Ержемский Г.И., хорошо зная Выксунский металлургический завод, на котором ему не раз приходилось бывать по служебным делам, связанным с заказами изделий завода для различных гидротехнических, в том числе и водопроводных, железнодорожных и других сооружений, возводимых с участием Ержемского, дал свое согласие на предложение Шепелева Н.Д..

Заметим, кстати, что главная усадьба тогдашнего Шепелевского имения и основное чугунолитейное производство располагались тогда в Выксе – небольшом поселении городского типа (статус города Выкса получила лишь в 1934 году), куда Ержемский и переехал, став в 1858 году одним из опекунов шепелевских владений.

Всего же опекунов (которые считались правительственными) было трое. В назначенный по просьбе родственников и утвержденный правительством состав этих опекунов входили: титулярный советник Палицын (от Ивана Шепелева - старшего из

братьев – наследников имения), подполковник-инженер Ержемский Г.И. (от Николая Шепелева – младшего из братьев) и князь Голицын (от прочих родственников).

Опекуном на заводах Шепелевых Ержемский Г.И. состоял почти 5 лет с 1858 года по 1862 год.

Введение коллективного опекуна на Шепелевских заводах не дало ожидаемых результатов. Финансовое положение заводов не улучшилось, а ухудшилось, имеющаяся задолженность резко возросла. Все это вынудило правительство объявить в 1862 году заводы банкротами; производство на них было остановлено, заводы были закрыты и выставлены на торги.

Ержемский же таким образом оказался не у дел.

Спустя какое-то время он возвратился к работе в строительной части Министерства внутренних дел России, где работал раньше перед своей отставкой из МВД. В рассматриваемое время данное подразделение МВД именовалось как «Строительный Комитет и Чертежная» и находилось (по некоторым определенным функциям) в ведении члена Совета Министра внутренних дел, чиновника по особым поручениям, занимающегося инспектированием противопожарного состояния городов и населенных пунктов Российской Империи, Богдановича Евгения Васильевича..

И здесь, наверное, имеет смысл «наглядно» представить читателям публикации Е.В. Богдановича и показать редкую фотографию того времени (см. Илл. 7), этого, самого по себе, выдающегося деятеля и, кроме того, как еще одного (наравне с Ермаковым А.В.) «знаменательного персонажа» в истории создания Муромского водопровода. Именно Богданович Е.В. всем показал себя тогда тем, что он, будучи правительственным чиновником высокого ранга, может проявить необходимую административную политическую волю и политическую ответственность в сложившейся в дальнейшем ситуации с сооружением водопровода, когда из-за формально правильных, но практически не необходимых требований Губернской комиссии, возникла угроза остановки всего хода строительства данного водопровода.

Илл.7. Портрет чиновника Богдановича Е.В.

Надо заметить, что во время описываемых выше событий Богдановичу Е.В. было 33 года (примерно таким, ну, может немного старше, он и выглядит на представленной иллюстрации); Ержемскому Г.И., соответственно, - 47 лет, а Ермакову А.В. – 67 лет. Вот

такова была возрастная расстановка главных персонажей в истории сооружения Муромского водопровода.

Богданович хорошо знал Ержемского как опытного, знающего специалиста, весьма сведущего во всех вопросах выполняемой им в МВД работы и творчески решающих их, вполне зрелого по своему возрасту, но еще далекого от своей старости. Вот к нему-то и обратился Богданович с предложением разработать проект Муромского городского водопровода и взять на себя полное руководство (в архитектурном, инженерном, изыскательском и всех других тому подобных планах или смыслах) по практическому осуществлению такого проекта. Само же это предложение возникло у Богдановича в результате его инспекторской поездки по противопожарным делам в Муром и проведенной там встречи с городским Головою Ермаковым А.В..

Обсудив с Богдановичем вопросы по сделанному им предложению и дав свое согласие, Ержемский «не мешкая долго» выехал в Муром для проведения, как это обычно водится, необходимого предпроектного обследования непосредственно на местности и выполнения требующихся при этом гидрогеологических изысканий.

После проведения всех необходимых изысканий и обследований на местности Ержемским было определено возможное место установки водозаборных колодцев и строительства необходимых каптажных сооружений, а также места установки водозакачивающей машинной станции, водонапорной башни, водоподводящих колодцев с устанавливаемыми над ними водоразборными будками, двух колод для водопоя лошадей, одного водоразборного и двух водоструйных фонтанов, а также определены возможные трассы прокладки всех соединительных водопроводных труб. По этим наметкам им был выполнен эскизный проект (точнее – эскизная наметка такого проекта) и составлена предварительная смета затрат на проведение работ и закупку требуемых материалов, покупных деталей, приборов и машинного оборудования. Все эти материалы и были представлены на рассмотрение Ермакову.

Как следует из источника [4], в котором дается ссылка на воспоминания Богдановича Е.В., можно заключить, что по разработанному Ержемским эскизному проекту водопровода у Ермакова замечаний и возражений не было а вот по смете затрат Ермаков попросил некоторое время для её проработки и принятия им окончательного решения.

Дальнейшее развитие событий описано в том же источнике [4]: «..по воспоминанию Е. В. Богдановича, решение о начале строительства водопровода было связано с болезнью А. В. Ермакова: будто бы ему во сне явился ангел, «после чего больной прослезился и тут же отдал приказание выдать 20 тысяч рублей находившемуся у него в гостях инженеру Г. И. Ержемскому. На эту сумму заказали водопроводные трубы». (Примечание: очевидно такие трубы были необходимы Ержемскому в первую очередь – Н.З.).

В этом воспоминании Богдановича ссылка на явившего Ермакову во сне ангела несколько необычна. Конечно, можно объяснять принятие Ермаковым решения о начале строительства водопровода неким «Божественным провидением». И Ермаков, и Богданович были глубоко религиозными людьми, и в случившемся только это они и видели. Но можно дать и другое, более материалистическое объяснение. – объяснение по Зигмунду Фрейду (1856-1939).

Согласно теориям Фрейда, изложенной в его научном труде «Толкование сновидений» [14], любое сновидение – это выражение сильного желания человека, как осознанного так и, по большей части, не осознанного, подсознательного. Желание же у Ермакова тогда было одно – построить водопровод. Это – и есть первое объяснение произошедшему; а второе – то, что при всей своей религиозности Ермаков в денежных делах был жесткий прагматик, затрачиваемые им деньги считать умел. И определенные по составленной Ержемским смете затраты на строительство водопровода он тогда, перед своим сном, счел вполне обоснованными. Так что тогда все совпало – и сон Ермакова, как выражение его подсудного желания, и его подсчеты, и сама реальность.

В дальнейшем сооружении Ержемским Г.И. Муромского водопровода он проявил себя, прежде всего, как архитектор, и архитектор – выдающийся, как можно судить сейчас.

Однако во всех его архитектурных сооружениях есть одна, четко выраженная особенность, которая на протяжении вот уже полутора столетий после их создания никем из наших искусствоведов как-то не замечалась и никем не была отмечена вообще.

Особенность эта состоит в том, что все эти сооружения выполнены в неоготическом стиле, и не просто в неоготическом, а, конкретно - в лютеранском неоготическом стиле. И это вполне объяснимо. Ведь и сам Ержемский Г.И., и все его далекие и близкие предки по мужской линии, а также его потомки, были по своему вероисповеданию лютеранами.

Каковы основные черты лютеранского неоготического стиля в архитектуре?

Здесь можно было бы обратиться к соответствующим искусствоведческим научным трудам, статьям и публикациям таким, например, как [16 – 19 и др.], научиться (для себя) оперировать такими научными терминами и понятиями, как «каркасная форма», «вертикализм», «устремленность в высоту» и многими прочими им подобными, и даже уметь отличать с вероятностью 0,95 одношпилевые (однобашенные) лютеранские кирхи от похожих на них многошпилевых (многобашенных) католических костелов, о чем сообщается в интересной публикации [20], и в итоге уяснить для себя: в чем заключаются основные черты и отличия лютеранского неоготического архитектурного стиля.

А можно просто показать здесь несколько приводимых далее иллюстраций (см. Илл. 8 - 18) с изображениями тех архитектурных творений прошлого, где лютеранский неоготический архитектурный стиль показан наиболее наглядно и зримо, чтобы по отношению к архитектору лютеранину Ержемскому Г.И. ясно понимать: «откуда у парня (по известному выражению М. Светлова) испанская (а в случае Ержемского – немецкая) грусть», и почему в нашем древнем, «исконно православном» Муроме появилась и успешно привилась лютеранская архитектурная неоготика.

Второй вариант кажется более предпочтительным, поэтому он и был задействован здесь далее с текстовым сопровождением иллюстраций необходимыми пояснениями.

Первая из показываемых здесь иллюстраций – Кирха святой Марии Магдалины. Это лютеранская церковь в городе Павловске под С. Петербургом, с которым семейство Ержемских многое связывало. Здание кирхи имело в длину 40 метров и рядом с ним была установлена высокая колокольня оригинальной формы. (Такую же форму будет иметь спроектированная Ержемским Г.И. дымовая труба водокачки Муромского водопровода – Н.З.)

Илл.8. Кирха св. Марии Магдалины. Гравюра 1840-х гг.

На следующих двух приводимых иллюстрациях (Илл. 9 и 10) показана старейшая в Санкт Петербурге немецкая лютеранская церковь Св. Анны.

Эта первая лютеранская церковь Санкт-Петербурга. Построена она в 1704 году на территории Петропавловской крепости обер-комендантом Санкт-Петербурга Брюсом и была первоначально деревянной. В 1740 году деревянную церковь сменила новая мазанковая, её здание представляло собой бревенчатый каркас, а промежутки между бревнами были заложены глиной,

С 16 октября церковь стала называться церковью святой Анны. Деньги на её постройку выделила императрица Анна Иоанновна, архитектурный проект разработал Пётр Еропкин, а строительство церкви длилось целых пять лет. Храм был торжественно освящен 26 октября 1740 года почти четыре месяца спустя после казни Еропкина. Фасад храма был украшен пилястрами, небольшую колокольню венчал шпиль.

Илл. 9. Лютеранская церковь Святой Анны. Гравюра Гоберта, 1834 г.

Илл. 10. Лютеранская церковь Св. Анны. 1770-е годы

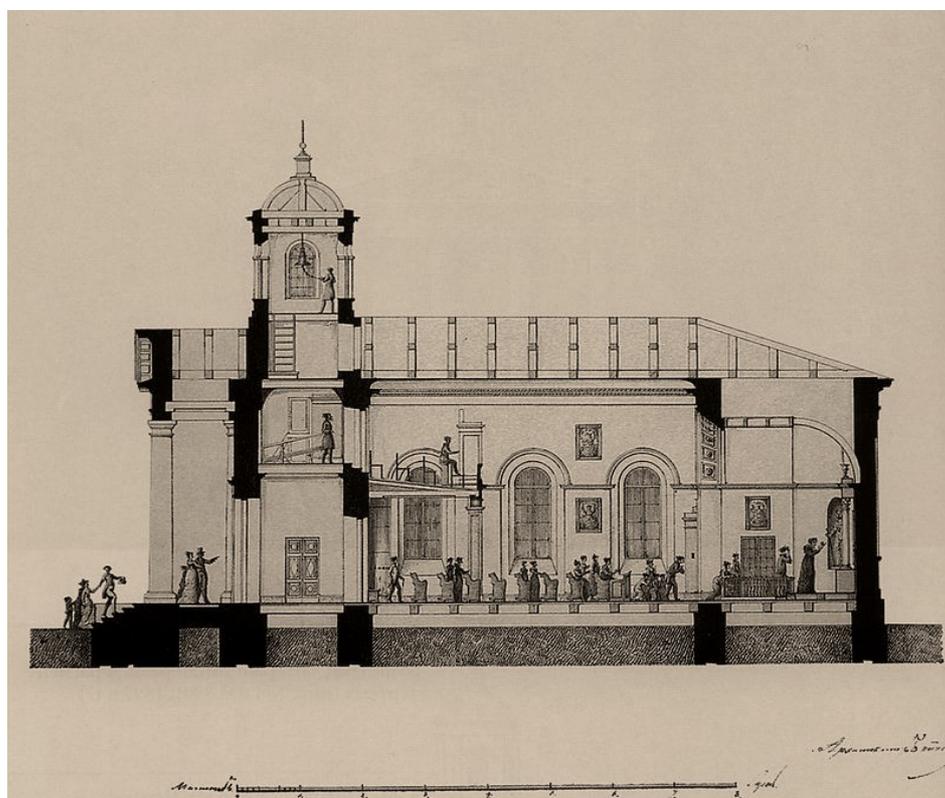
(В показанной церкви интерес для нас представляет сооруженная сверху небольшая башня церковной колокольни со сферическим куполом – Н.З.)

Следующая лютеранская немецкая церковь, представляющая по своей архитектуре несомненный интерес для сопоставления с архитектурой сооруженных по проекту Ержемского Г.И. зданий водонапорной башни и водокачки Муромского водопровода, является кирха Св. Николая в Гатчине.

Кирха представлена на Илл. 11 – 13. Она была построена в 1828 году нашим соотечественником Байковым Алексеем Михайловичем (в то время бывшим главным архитектором Гатчины) по типовому проекту архитектора Дементия (Доминико) Ивановича Квадри (1773 – 1832) русского архитектора итальянского происхождения, много работавшего в Санкт-Петербурге и бывшим его главным инженером.

Илл. 11. Дореволюционная открытка с фотографией лютеранской немецкой кирхи Св. Николая в Гатчине.

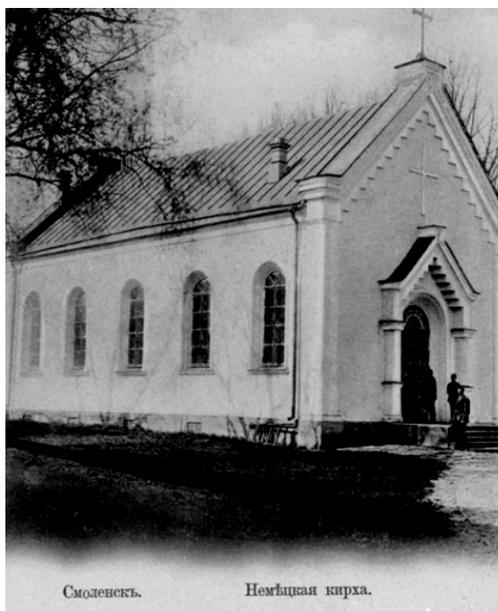
Илл. 12. Фрагмент выполненного Байковым А.М. чертежа лютеранской церкви Св. Николая в Гатчине.

Как выглядит данная кирха в наши дни видно на фотографии, показанной на Илл. 13.

Илл.13. Современная фотография кирхи Св. Николая в Гатчине.

Еще два образца лютеранского немецкого архитектурного стиля приведены на Илл.14 и 15, на которых показаны «малогабаритные» кирхи в Смоленске и в Омске.

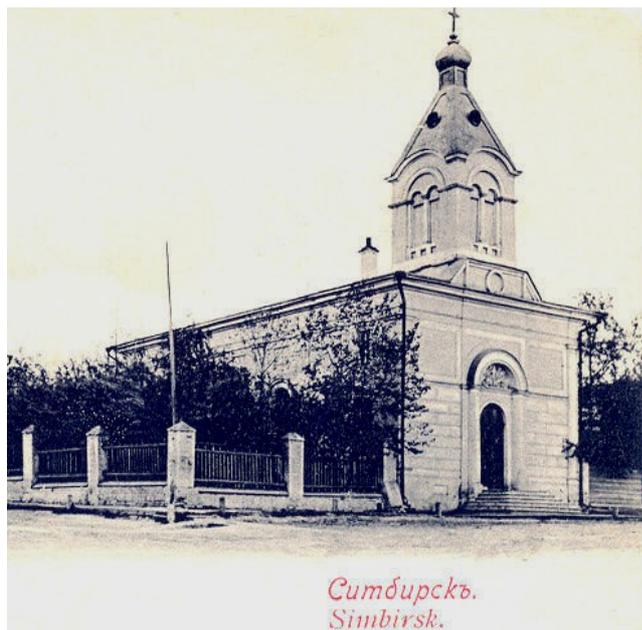

Илл. 14. Немецкая кирха в Смоленске (1857-1860 гг.):

Илл. 15. Лютеранская церковь в Омске

Дополняют показанные иллюстрации еще две иллюстрации, на которых представлены более внушительная по размерам кирха в Симбирске (Илл. 16) и уж совсем внушающая уважение размерами величественная кирха в Кронштадте (Илл. 17).

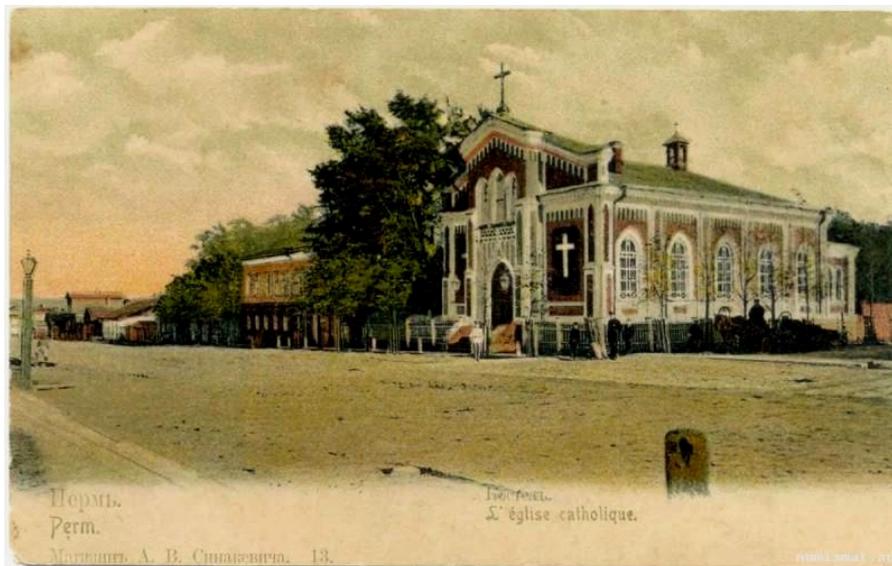

Илл. 16. Кирха в Симбирске.

Илл. 17. Кирха Святого Николая в Кронштадте.

Характерным для неоготической архитектуры зданий в России того времени (как церковных, так и гражданских) было сочетание только двух цветов в их наружной отделке: красного и белого. Красный цвет – это был цвет используемого для возведения зданий красного кирпича из обожженной глины, а белый цвет – это цвет природного натурального известняка, используемого для облицовки зданий и создания самых различных декоративных элементов, украшающих их. Такое сочетание красного и белого цвета во внешней отделке зданий можно видеть на старинной цветной открытке с видом лютеранской кирхи в Перми (см. Илл. 18).

Илл. 18. Лютеранская кирха в Перми.

Все представленные на приведенных выше одиннадцати иллюстрациях (Илл.8 - 18) сооружения относятся к церковной лютеранской неоготической архитектуре.

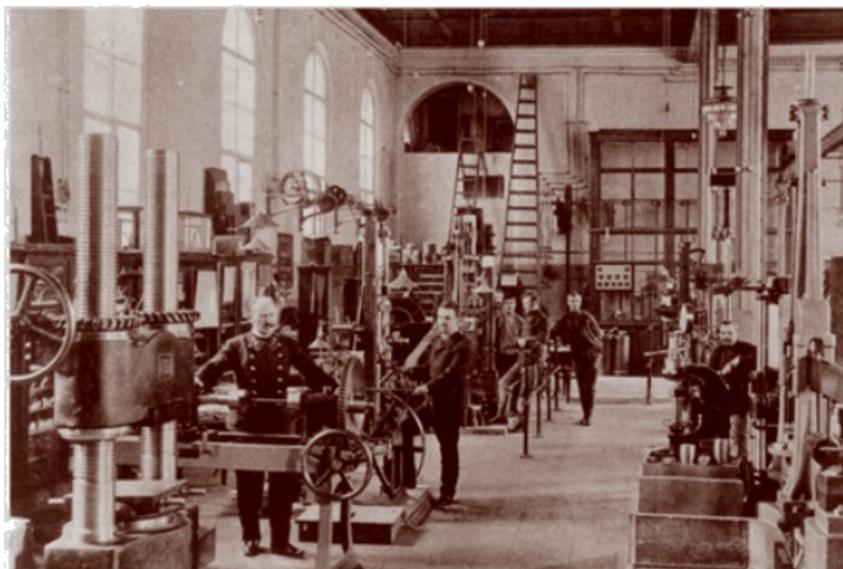
Но этот же архитектурный стиль использовался и в гражданских зданиях того времени. Примером тому могут служить некоторые из зданий Института Корпуса Инженеров Путей Сообщения (ИКИПСа), того самого института, в котором учился Ержемский Г.И. и выпускником которого он стал.

Так, на Илл.19 показан фасад здания Химической лаборатории ИКИПСа, в котором (т.е. – здании) явно проглядывается неоготический архитектурный стиль в оформлении оконных проемов и окон здания.

Илл. 19. Фото здания Химической лаборатории ИКИПСа.

Еще одно из помещений этого института, точнее - лишь его небольшая часть в виде сфотографированного интерьера Механической лаборатории ИКИПСа - показано на Илл. 20

Илл. 20. Фото механической лаборатории ИКИПСа.

По этой иллюстрации можно также составить четкое представление об архитектурном оформлении окон, стен и внутренней части довольно просторного здания, в котором используется машинное оборудование и различная техника.

Обобщая весь приведенный иллюстративный материал (с текстовыми пояснениями к нему) можно сделать вполне обоснованное заключение о том, где находятся истоки того архитектурного стиля, который был выбран талантливым самобытным архитектором Ержемским Г.И. при проектировании им Муромского водопровода, включая все архитектурные сооружения, входящие в него.

Здесь, правда, следует сделать маленькую, но существенную оговорку: для одного из всех сооружений, являющегося неотъемлемой частью Муромского водопровода, а именно для часовни Иконы Божией Матери «Живоносный Источник» (см. Илл.21) было сделано исключение. Эта часовня была выполнена архитектором в классическом русском стиле православной церковной архитектуры XIX века.

Иначе, в данном случае, и быть не могло, и иного не мог бы допустить такой «ортодоксальный» православный, глубоко верующий русский христианин, каким был А.В. Ермаков, по чьему заказу сооружался Муромский водопровод.

Часовня же эта, часто называемая просто, как часовня «Живоносный Источник», использовалась для проведения церковного обряда освящения воды по православным праздникам Святого Крещения.

Она была установлена на одном из водозаборных каптажных колодцев, родниковая ключевая вода из которого через водокачку попадала в водонапорную башню. Таким образом вся вода, поступившая в водонапорную башню в день Праздника Святого крещения считалась освященной, или, как обычно говорилось раньше, - «святой водой».

(О часовне и её истории краткая информация приведена в моей публикации [21], а фотография часовни (Илл. 21) взята из довольно познавательной и великолепно изданной книги [22], автором которой является бывший главный архитектор Мурома Н.А. Беспалов (1921 – 2009). К его книге и к помещенным в ней иллюстрациям еще не раз придется обращаться при рассмотрении истории сооружения Муромского городского водопровода. – Н.З.)

Продолжая историю о Муромском водопровode, следует заметить, что почему-то все наши искусствоведы и специалисты по провинциальной архитектуре России середины XIX века не просто упорно стараются не замечать особенности архитектурного стиля сооружений Муромского городского водопровода, выполненных по проектам Г.И. Ержемского, но и относят его к классическому русскому архитектурному стилю.

Илл. 21. Муромская часовня Иконы Божией Матери «Живоносный Источник»
(в настоящее время утрачена).

Так, в небезынтересной научной статье Анапольской Е.Н. и Баловой О.А о водонапорных башнях России [23], в которой рассматривается и водонапорная башня (ВНБ), построенная в Муроме в 1863 - 1864 гг., отмечается: «ВНБ построена в классическом стиле, соответствующем стилю старого города».

Но ни водонапорная башня Ержемского Г.И., ни все другие спроектированные им сооружения, отнюдь не «были построены в классическом стиле старого города» (стало быть русского православного архитектурного стиля – *Н.З.*), однако все они органично вписались в ландшафт «старого города» и полностью соответствовали ему. Чтобы убедиться в этом, достаточно посмотреть на фотографию прибрежной части Мурома того времени (см. Илл. 23), где такое соответствие хорошо видно. Ведь без построенной водокачки Богородицкий собор с его высокой колокольней являлся бы неким диссонансом в городском ландшафте, нарушающим зрительное восприятие этой части города. А воздвигнутая водокачка с её двухэтажным зданием и высокой пирамидальной четырехгранной дымовой трубой устранила такой диссонанс, и вид этой части города со стороны Оки зрительно воспринимается теперь так, как будто другим он и быть не должен.

Сама же водокачка отдельно и в гораздо большем масштабе, чем на фотографии, приведенной на Илл. 23, во всей своей красе показана на Илл. 22.

Здесь она предстает перед нами в своем первоизданном виде, еще не нарушенном различными последующими перестройками и переделками (во многом только ухудшающими и внешний вид, и предусмотренные проектом её характеристики). Переделки эти хотя и были не столь существенными, как у верхней части возведенной одновременно с водокачкой водонапорной башни, но и без них тоже не обошлось.

Илл. 22. Водокачка Муромского городского водопровода, сооруженная по проекту Ержемского Г.И.

Илл. 23. Вид Муром с Оки, 1865-е годы.

На фотографии, представленной на Илл 22, наглядно продемонстрированы основные черты и особенности неоготического лютеранского архитектурного стиля.

Что в связи с этим необходимо было бы отметить?

Тут, прежде всего, «вертикализм» устремленных в высь линий и трубы, и здания водокачки. Тут и арочные оконные проемы окон с их вытянутыми узкими окнами, и многочастные оконные переплеты, и характерная форма и отделка наличников оконных проемов, выполненных из белого известняка. Тут и «фирменный» для Ержемского Г.И архитектурный элемент оформления боковых верхних наличников оконных проемов в виде спаренных вверху двух арок, которые в месте их соприкосновения, образуют своеобразную архитектурную «гирьку». Элемент этот повторится затем, как характерный архитектурный элемент, и в отделке наличников оконных проемов последнего верхнего этажа водонапорной башни, которая будет рассмотрена здесь несколько позднее.

Нельзя не отметить и характерное для неоготического стиля в лютеранской архитектуре XIX века использование сочетания только двух цветов – красного и белого – во внешней наружной отделке здания водокачки.

Однако прежде здесь надо сказать, что приведенная на Илл. 22 фотография водокачки по своей цветовой гамме не позволяет различить отмеченное сочетание таких двух цветов, но оно хорошо различимо на старой цветной открытке с видом города Муром, фрагмент которой в увеличенном виде представлен на Илл. 24.

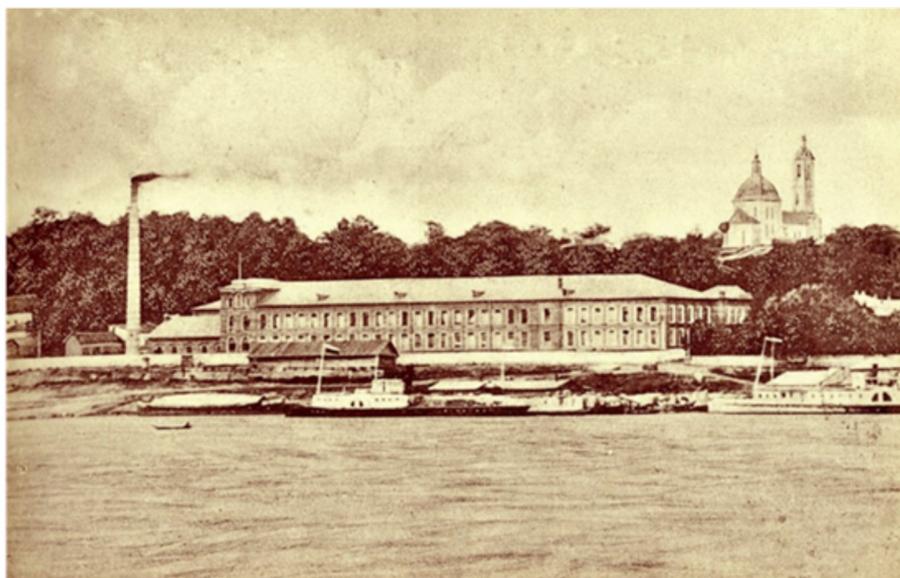
На Илл. 24 хорошо видно, что здание водокачки возведено из красного нештукатуренного кирпича, а декоративные украшающие элементы здания – наличники оконных проемов и две выделяющиеся отдельные горизонтальные полосы, опоясывающие здание водокачки по всему периметру здания водокачки – четко выделены белым цветом, что придает своеобразную, какую-то строгую, красоту зданию водокачки и делает его зрительно привлекательным.

В качестве неоспоримого использования черт неоготического лютеранского стиля Ержемским Г.И. можно отметить и то, что спроектированная им дымоотводная труба водокачки, предназначенная для создания необходимой тяги воздуха в топке парового котла установленной в здании водокачки паровой машины, по своей форме просто копирует форму отдельно стоящей колокольни немецкой лютеранской средневековой кирхи св. Марии Магдалины представленной ранее на Илл. 8.

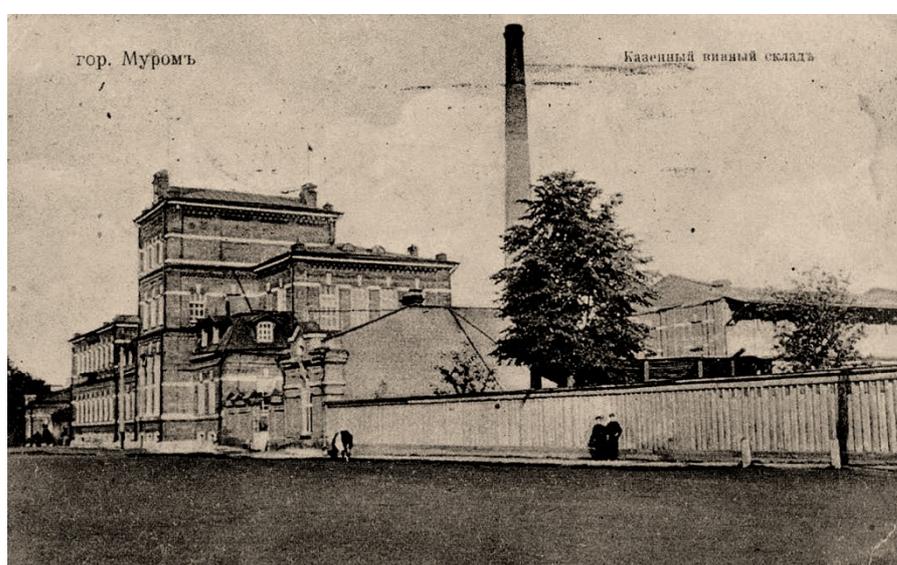

Илл.24. Фрагмент цветной открытки с видом Муромской водокачки.

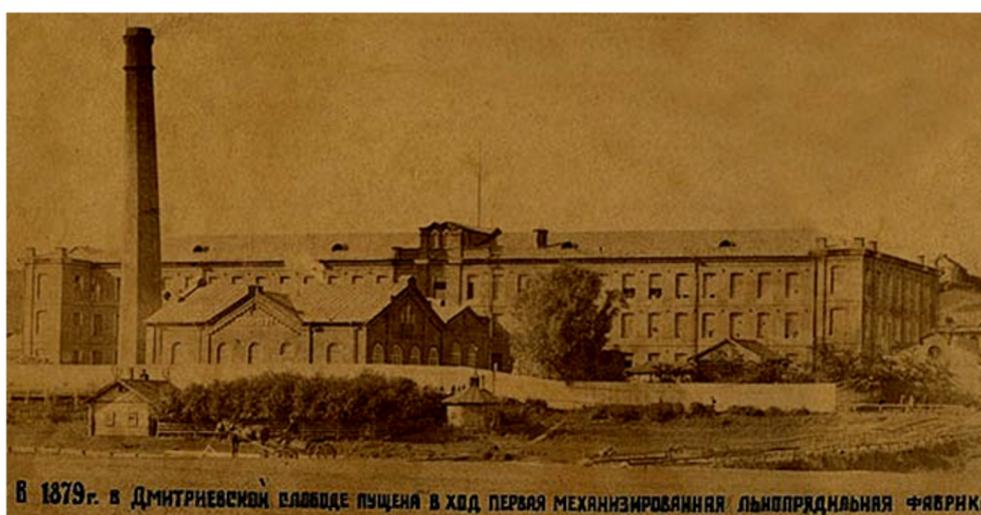
Форма данной дымоотводной трубы в виде четырехугольной усеченной пирамиды является исключительным ноу-хау Ержемского Г.И.. Таких дымовых труб в России больше не строили. В Муроме того времени дымовые трубы промышленных предприятий такие, например, как показанные на Илл.25 и 26 сооружались достаточно высокими, тоже из кирпича, но всегда имели форму усеченного конуса с весьма малым, не превышающим 0,1 продольным уклоном конической образующей линии.. Однако, как ни удивительно, в Муроме обнаружилась еще одно предприятие – льнопрядильная фабрика в Дмитриевской слободе - с дымовой трубой, имеющей такую же форму, как и у Муромской водокачки (см. Илл.27). Судя по дате сооружения и пуска данного предприятия (конец 1870-х годов), форма данной трубы является прямым заимствованием конструкции Ержемского Г.И., нигде не встречавшейся ранее.

Илл. 25. Дымовая труба Муромской «Бумаго-Ткацкой фабрики», 1900 - е годы.

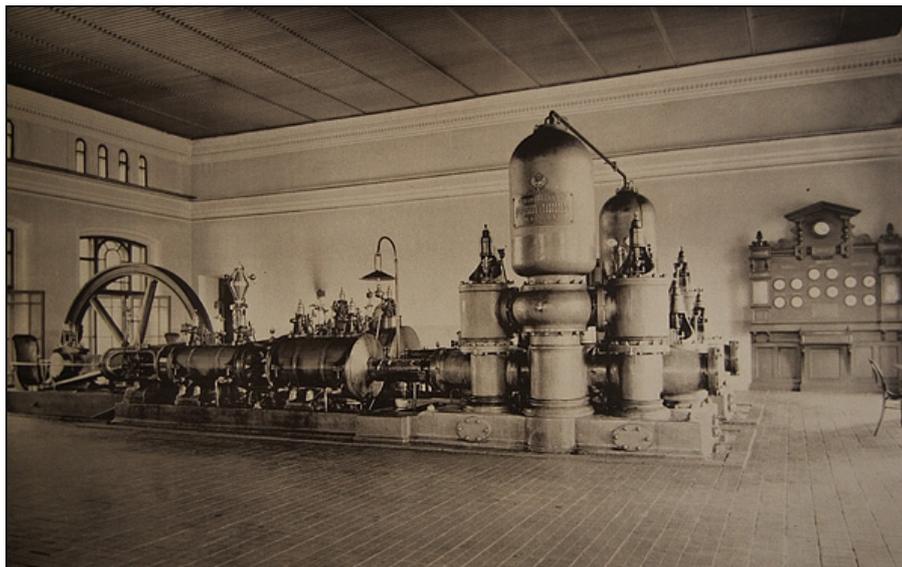
Илл. 25. Дымовая труба Муромского «Казенного винного склада», 1900 - е годы.

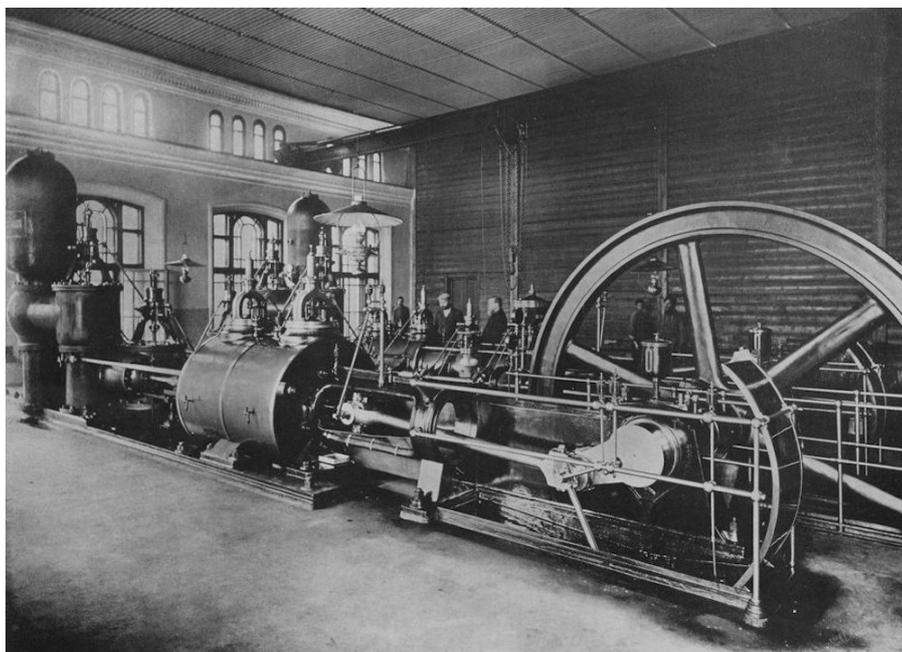
Илл.26. Дымовая труба льнопрядильной фабрики в Дмитриевской Слободе Муромского уезда, 1879 г.

В дымовой трубе конструкции Ержемского Г.И. применены внутренние скрепляющие металлические стяжки, поставленные через определенные интервалы по краям кромок всех четырех поверхностей трубы по всей её длине. [«Шляпки» таких скрепляющих стяжек отчетливо просматриваются на фотографиях трубы (см. Илл. 22, 24 и др.)]. Использование металлических скрепляющих стяжек в конструкции трубы - это новшество Ержемского Г.И. значительно повысившее надежность и долговечность конструкции дымовой трубы. Дымовая труба водокачки Ержемского Г.И. сохранилась без каких-либо заметных разрушений вот уже более 150-и лет.

К великому сожалению не сохранилось никаких следов паровой машины, которая была тогда установлена в машинном зале на первом этаже здания водокачки. Определенное представление о такой машине могут дать паровые машины позапрошлого века, механизмы и контрольно-измерительные приборы, установленные на Алексеевской насосной станции в Подмоскowie, показанные на приведенных здесь ниже двух фотографиях (Илл. 27 и 28).

Илл.27. Механизмы Алексеевской насосной станции.
Снимок со стороны входа в здание станции.

Илл.28. Механизмы Алексеевской насосной станции.
Снимок со стороны, противоположной входу в здание станции.

История оборудованной двумя паровыми машинами Алексеевской насосной станции, как отмечается в источнике [24], такова:

«В 1778 году Екатерина II повелела инженер-генералу Ф. Б. Бауэру провести изыскания и приступить к сооружению в Москве водопровода — первого в России.

После долгих лет строительства 28 октября 1804 года состоялось открытие Екатерининского водопровода, и мытищинская вода пришла в Москву.

Ввиду допущенных при проектировании и строительстве многочисленных ошибок в 1826–1835 годах под руководством начальника Округа путей сообщения в Москве инженер-генерал-майора Н. И. Яниша было проведено переустройство Екатерининского (Мытищинского) водопровода. В селе Алексеевском возвели водоподъемное здание с двумя 24-сильными паровыми машинами Уатта, проложили 10-дюймовый чугунный водовод до Сухаревой башни, в 1829 году ставшей водонапорной (курсив мой – Н.З.)».

Муромская водокачка по проекту Ержемского Г.И. была оборудована одной паровой машиной мощностью в 15 л.с., т. е. вдвое меньше мощности указанной выше для одной машины. Но такая мощность по расчетам Ержемского Г. И. была вполне достаточной, для подъема воды от водокачки до водонапорной башни и заполнения её резервуара на верхнем этаже башни с учетом перепада высот расположения башни и водокачки. Так оно и оказалось на практике, и один этот факт, не говоря уже о других, свидетельствует о высоком инженерном уровне проекта Ержемского Г.И.. Что же касается художественного уровня его проекта, то он бесспорно заслуживает самой высокой оценки.

Вот есть такое выражение, что «все познается в сравнении», и давайте сравним, сопоставим внешне Муромскую водокачку с такими водокачками как, к примеру, Калужской городской (см. Илл. 29) и Тюменской городской (см. Илл. 30) водокачками.

Первая из названных водокачек была построена в середине 1880-х годов. Автор проекта - инженер К. К. Дилль, прусский подданный, автор проекта и строитель Киевского, Курского, Гродненского и Ярославского водопроводов [25, 26]. Кстати сказать, здание Калужской водонапорной башни строилось по архитектурному проекту архитектора В. Д. Виноградова [27]. И такое функциональное разделение труда между архитекторами и инженерами-проектировщиками крупных городских водопроводных сооружений, начиная где-то с середины XIX века, стало характерным в практике сооружения городских водопроводов. Среди их создателей стали числиться выдающиеся архитекторы - создатели не только известных гражданских зданий, но и известных гидротехнических сооружений, каким был, например, наш соотечественник немецкого происхождения, лютеранин, разработчик архитектурного проекта Крестовских водонапорных башен и целого ряда других гидротехнических сооружений в Москве М.К. Геппнер (1848-1924).

Илл. 29. Калужская городская водокачка, 1880-е годы

Тюменская городская водокачка (Илл. 30) была построена в 1864 году по договору, заключенному Тюменским городским Головой с двумя «подданными Великобритании механиками Гектором Ивановичем Гуллетом и Константином Ивановичем Гаксом»

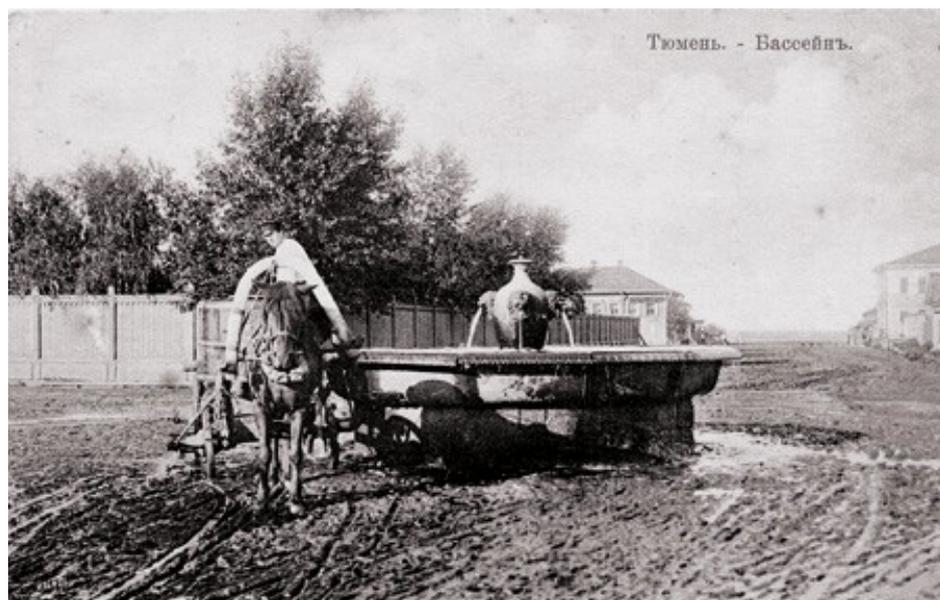
Сооруженная водокачка работала так [28, 29]: паровая машина, мощностью 8 л.с., нагнетала воду из водозаборного каптажного колодца под водокачкой в водосборный резервуар, установленный в верхней части здания водокачки; резервуар имел два выводных крана, выходящих наружу здания, из которых вода отпускалась пользователям (по большей части водовозам, как это видно на фотографии); кроме того по проложенному в земле деревянному трубопроводу вода поступала также в установленный на городской площади водоразборный фонтан (бассейн) с чугунной чашей, откуда вода также могла разбираться пользователями (см. Илл. 31).

Можно добавить, что в выстроенной надстройке сверху здания водокачки был установлен запасной резервуар для воды.

Вот такая, как на Илл. 30, малопривлекательная и по своей архитектуре и по своему внешнему виду получилась Тюменская водокачка, которая к тому же имела кучу эксплуатационных недостатков и выявившихся впоследствии инженерных недоработок.

Илл. 30. Тюменская городская водокачка, 1864 год.

Илл. 31. Водоразборный бассейн Тюменского городского водопровода, 1860-е гг..

Так что внешнее сопоставление сооруженной по проекту Ержемского водокачки с другими водокачками того времени явно не в пользу последних, и водокачка Ержемского по всем своим архитектурным и инженерно-техническим характеристикам может являться объектом подлинной исторической и культурной ценности в масштабе всей России.

Ну, а что, к сожалению, являет собою этот объект в настоящее время можно видеть на двух не столь давних фотографиях (см. Илл. 32,33), приведенных в публикации [30].

Илл. 32. Отремонтированная, но не отреставрированная водокачка Ержемского Г.И.

Илл. 33. Еще одна фотография водокачки Ержемского Г.И.

Следующим весьма важным элементом Муромской городской водопровода была водонапорная башня (ВНБ).

В общем случае функцией ВНБ является поддержание постоянного напора воды в водопроводной сети и ВНБ является не только своеобразным украшающим городской ландшафт архитектурным зданием (как это стало в Муроме после возведения ВНБ), но и довольно сложным инженерным гидротехническим устройством. И в сооружении Муромской ВНБ Ержемский Г.И. проявил себя не только как талантливый, выдающийся архитектор и зодчий, но и как обладающий большими знаниями, опытный инженер-гидростроитель, специалист высокого класса в этой области. С архитектурной точки зрения Муромская ВНБ, так же как и Муромская водокачка, сооружена Ержемским Г. И. в характерном для него лютеранском архитектурном неоготическом стиле, о чем свидетельствует также целый ряд характерных для этого стиля признаков, уже отмеченных ранее в архитектуре Муромской водокачки. Однако применительно к ВНБ прежде всего следует отметить примечательное для названного стиля сочетание красного и белого цветов во внешнем её облике. Надо сказать, что (может быть это малоизвестно) изначально Муромская ВНБ была красно-белой, что хорошо видно на приведенном здесь старинном акварельном рисунке (см. Илл. 34).

Илл. 34. Муромская водонапорная башня. Акварель.
Вторая половина XIX в.

Это уже последующие многочисленные переделки и исправления облицовки ВНБ исказили первоначальную, что называется «исконную» цветовую гамму её внешнего облика. А может быть просто это те черно-белые (или монохромные) старые фотографии,

на которых она обычно предстает перед нами (см. Илл. 35, 36), просто не могут передать нам того, как она выглядела в своем «истинном цвете».

Илл.35. Муромская водонапорная башня. Вид с западной стороны.

Илл.36. Муромская водонапорная башня. Вид с северной стороны.

Другим выразительным признаком неоготического архитектурного стиля в облике здания Муромской водонапорной башни являются, конечно же, характерные для лютеранской готики удлиненные полуциркульные арочные окна и такой же формы входной нижний проем. Такими окнами, прежде всего, и создается красота облика здания башни, его своеобразное изящество, изысканность. Именно окнам, их многочисленной, но в то же время строгой внешней отделке, архитектором было отведено большое место в воплощении его авторского видения внешнего облика здания, и именно они передают его

приверженность лютеранской неоготике и его личные эстетические предпочтения в определенных элементах архитектуры данного стиля.

К этому надо добавить, что в использовании таких окон есть и сугубо практический подход. Верхний арочный свод окон обеспечивает большее прохождение дневного света в помещения, позволяя более продолжительное время сохранять хорошую видимость внутри здания.

И еще один характерный и довольно несомненный признак приверженности архитектора лютеранской неоготике проявился в архитектуре Муромской водонапорной башни. Это возвышающаяся над ней невысокая восьмигранная башенка, точно такая же, какие обычно возводятся на лютеранских кирках.

Такие башенки, по большей части с цилиндрическим или многогранным барабаном, обычно оснащены полуциркульными арочными окнами и имеют венчающий их полусферический купол, дополняемый, в свою очередь еще одним небольшим по высоте цилиндрическим барабаном, также с маленьким полусферическим (или сферическим) куполом и христианским крестом или простым металлическим шпилем на его конце.

Иллюстрирующие отмеченное обстоятельство фотографии двух башенок: башенки лютеранской кирхи и наблюдательной пожарной (или каланчовой) башенки, возведенной над Муромской водонапорной башней, приводятся на Илл. 37 и 38.

Илл. 37. Башенка кирхи лютеранской церкви Св. Николая в Гатчине, построенной в 1827 году. *Современный снимок.*

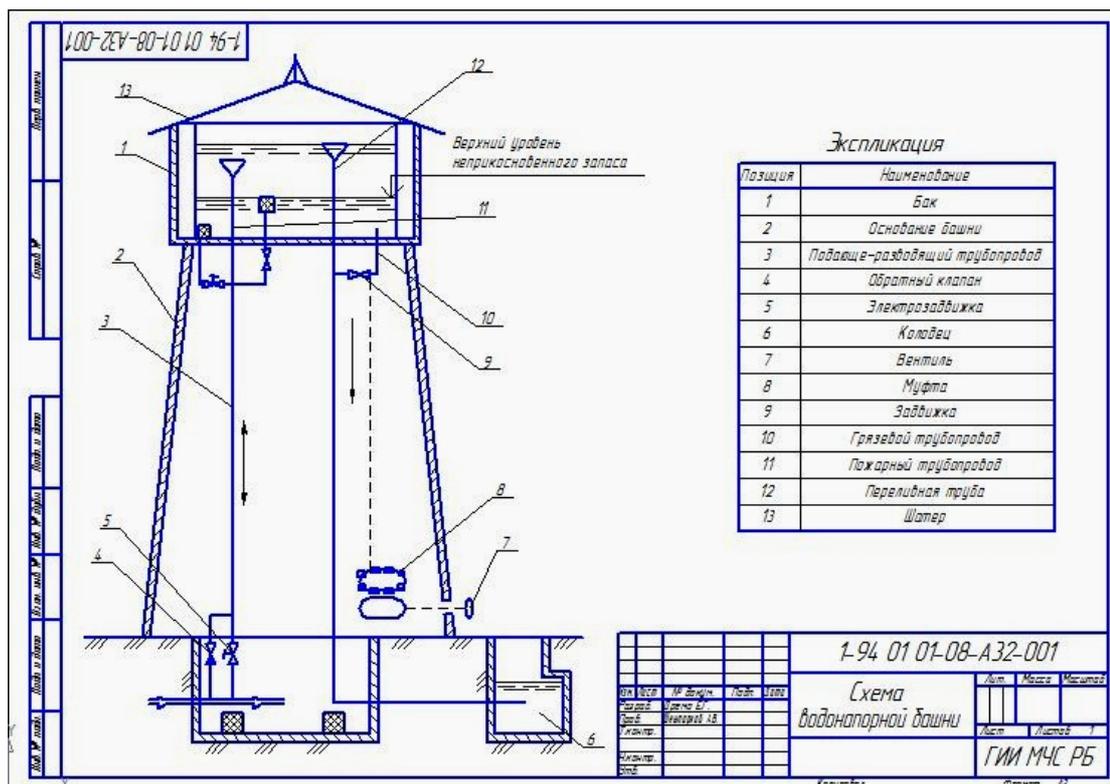
Илл. 38. Наблюдательная каланчовая башенка, сооруженная на Муромской водонапорной башне. *Снимок 1950-х годов.*

(Примечание: К приведенным выше двум фотографиям можно было бы добавить обычно сопровождающий подобного рода сравниваемые фотографии комментарий: «Найдите разницу». А разницы в двух сравниваемых башенках действительно мало. – Н.З.)

Показанная на Илл. 37 башенка по своему функциональному предназначению представляет не что иное, как колокольню кирхи. Её внутренний вид приведен на составленном архитектором А.М. Байковым чертеже, представленном на Илл. 12.

Изображения внутреннего вида каланчовой наблюдательной башенки, сооруженной над Муромской водонапорной башней, как и какие - либо изображения (чертежи, схемы) внутреннего устройства, самой водонапорной башни, к сожалению, не обнаружены и нигде не приводятся.

Но внутреннее устройство водонапорной башни не трудно представить, потому что в принципе оно было таким, каким отображено на принципиальной схеме современной водонапорной башни (см. Илл. 39); и в водонапорную башню входили все (ну, или почти все) указанные на такой схеме составные части и элементы.

Илл. 39. Принципиальная схема водонапорной башни.

Как видно по данной схеме, работа Муромской ВНБ должна была осуществляться следующим образом:

- вода в ВНБ поступала снизу по нагнетательной трубе из городской водокачки и, скорее всего, на входе в идущую вверх подводящую трубу башни также были установлены и обратный клапан (поз.4), и задвижка (поз.5) (причем задвижка не электрическая, как на данной схеме, а механическая с резьбовым вентилем);

- поступающая по подводящей трубе вода заполняла установленный на верхнем этаже металлический резервуар (бак) ВНБ (поз. 1), оборудованный и обратным клапаном для обеспечения неприкосновенного запаса воды, и фильтрующими устройствами с грязевыми отводами, и соответствующими задвижками;

- из резервуара ВНБ вода по разводящему трубопроводу подавалась к колодцам водоразборных будок, а также к трем фонтанам и двум водопойным колодцам для лошадей, одна из которых была оборудована на торговой площади, а другая - на новой городской ярмарке;

- в ВНБ предусматривался отводной пожарный трубопровод и отключение всех других водоотводящих трубопроводов в случае возникновения пожара в городе.

Как было отмечено выше, какой-либо конкретной технической документации, чертежей, строительных планов и схем всех объектов сооруженного Муромского водопровода в имеющихся источниках не приводится, и можно с сожалением констатировать тот факт, что такая документация к настоящему времени утрачена.

Но такую констатацию можно было бы считать справедливой в том случае если такого рода чертежи, строительные планы, схемы и прочие строительно-технические документы, как таковые, были вообще. Ержемский Г.И. был несомненно высококлассным специалистом и как выпускник ИКИПСа прошел там хорошую школу обучения черчению и правилам графического оформления технической документации для разрабатываемых инженерных проектов. и всё это знал. Однако при его своеобразной манере работы считал многое в оформлении составляемых им технических документов попросту ненужным. Поэтому вполне можно предположить, что требующейся в обязательном порядке и в необходимом объеме документации по проекту Муромского водопровода, как таковой, просто не было.

Не случайно губернская строительная комиссия из Владимира, приехавшая в Муром с проверкой хода сооружения Муромского водопровода, начав такую проверку и не найдя требующихся согласно установленным положениям технических проектных документов, которые должны были быть в обязательном порядке, сразу же остановила весь ход проведения дальнейших работ. И лишь вмешательство в это высокопоставленного правительственного чиновника Богдановича Е.В. позволило продолжить проведение работ по строительству Муромского водопровода в нарушение абсолютно правильных требований губернской строительной комиссии.

Человек Ержемский Г.И. был действительно своеобразный, если не сказать – своенравный. Не случайно, первое, что он заявил городскому Голове Ермакову А. В.: «чтобы никто не вмешивался в его дела по строительству водопровода». Он считал ненужным делать какую-то детальную документальную проработку выполняемых работ в тех случаях, когда ему и так все было ясно без чертежей и других пояснительных документов. Обычно его видение технического решения проблем выражалось в составляемых им наскоро эскизах, нарисованных быстро от руки схемах, каких-то набросках и различного рода других его зарисовках. А рисовальщик он был умелый, прошел основательную школу у «профессоров Рисовального искусства» в ИКИПСе, где занятия по рисованию и черчению проводились ежегодно на протяжении всего четырехлетнего курса обучения. Если у исполнителей его замыслов возникали какие-то неясности, непонимания, то он всегда был готов, бегло набросав свою какую-то зарисовку. тут же, что называется «на пальцах», пояснить каждому, как все это надо делать. Вот учитывая все это, не стоит удивляться тому, что все входящие в систему Муромского городского водопровода сооружения, при прямом руководстве Г.И. Ержемского проводимыми работами даже и при отсутствии, занимающей много времени на свое оформление документации, возводились в небывало короткие сроки и, в то же время - с минимальными какими-либо дальнейшими переделками, последующей доработкой или, тем более, - изготовлением заново.

Вообще говоря, время работы Ержемского Г.И. в Муроме – весь тот период, когда был сооружен городской водопровод, можно назвать периодом «звездного времени» в жизни Ержемского. Забегая вперед, надо сказать, что таких поистине блестящих успехов его, как архитектора и разработчика инженерной части проекта, какие были им проявлены в этом качестве, а затем уже и как главным производителем работ практически продемонстрированы всем при работе в Муроме, в дальнейшей его жизни уже не будет.

Будут какие-то другие, малозначительные его проекты и, изредка, - отдельные несущественные творческие инженерные и архитектурские успехи. Намечался даже и карьерный его рост. Так, в одно время, он получил предложение стать главным инженером – ирригатором орошаемых земель Донского края и, получив положенный четырехмесячный отпуск в Технико – строительном комитете МВД, где он тогда состоял, был отправлен в заграничную командировку с посещением Германии, Бельгии, Голландии, Франции, Италии и Египта - для изучения там постановки дел по ирригации земель. Однако дальнейшее его предполагаемое служебное назначение так и не состоялось, и завершил он свою служебную карьеру в скромной должности губернского инженера в Астрахани [10].

Творческие же задатки, талант, знания и способности у Ержемского Г.И. были несомненные. Однако, чтобы воплотить их в жизнь, очевидно не оказалось уже в дальнейшей его жизни таких выдающихся личностей, как Ермаков А.В. и Богданович Е.В., которые бы, как и они, невзирая на присущее Ержемскому Г.И. своеобразие, способствовали бы раскрытию для общего блага в полной мере всех имеющихся у него способностей и талантов.

Поэтому - то, как в свое время военного инженера Руже де Лиля, написавшего за одну ночь свою бессмертную «Марсельезу» и за это названного впоследствии Стефаном Цвейгом «гением одной ночи» (или, что то же самое - «гением одной песни»), так и подполковника-инженера Ержемского Георгия Ивановича, тоже можно назвать пусть, конечно, не гениальным, но явно выдающимся автором - разработчиком одного исторически выдающегося инженерного проекта – проекта Муромского городского водопровода.

Возвращаясь снова к Муромской водонапорной башне, следует отметить, что она изначально проектировалась сразу в двух своих ипостасях: как водонапорная башня и как городская пожарная каланча.

Функционирование водонапорной башни в качестве городской пожарной каланчи осуществлялось следующим образом.

В каланчовой наблюдательной башенке (на шесть сторон обзора - по числу её граней с застекленными окнами, т.е. практически «всеобзорной»), которая располагалась сверху водонапорной башни (см. Илл.34 – 36), круглосуточно, посменно дежурили трое дежурных пожарных – наблюдателей, постоянно из башенки следивших за пожарной обстановкой в городе.

Первоначальный вид дозорной наблюдательной башенки наиболее четко показан на Илл. 40, где видно, что вначале дозорная наблюдательная башенка была шестигранной. Потом, несколько лет спустя, её переделали, и она стала восьмигранной, как это показано на Илл. 38.

Рядом с дозорной башенкой на крыше водонапорной башни был размещен целый ряд различных устройств, хорошо видных на той же Илл. 40, а также и на ранее приведенной Илл.35. Они использовались для передачи сообщений с помощью условных сигналов с места дозорного наблюдателя на места расположения пожарных команд, т.е. в соответствующие пожарные депо, показанные на Илл. 41, 42. Связь между всеми этими пунктами осуществлялась либо с использованием условных сигналов при хорошей видимости, либо (что можно допустить) с применением дистанционного оптического телеграфа, наподобие оптических телеграфов русского генерал-майора Ф. А. Козена, а позже - французского инженера Шато [31].

С появлением в Муроме телефонной связи в 1890 году вскоре одна телефонная трубка была установлена в башенке дозорного пожарного наблюдателя, а вторая – в здании депо городской пожарной команды.

Надо учесть, что в Муроме была не одна пожарная команда. Всего тогда действовали три пожарных команды: городская (численностью 18 чел.), финансируемая из бюджета города, которую с 1884 года возглавлял Емельянов В.М.; частная добровольная команда (из 10 чел.), основанная в 1865 году тем же Емельяновым В.М. и им же финансируемая, и расположенная неподалеку от Мурома в селе Карачарово еще одна добровольная пожарная команда, попечителями которой являлись графиня Уварова и все тот же В.М. Емельянов.

Ко всему тому, в случае необходимости к тушению пожаров в городе привлекалась добровольная пожарная команда из соседнего с Муромом уездного города Меленки, действующая в Меленках еще с 1785 года [32].

Естественно, что все эти дислоцирующиеся в различных местах пожарные команды при возникновении пожаров нуждались в четком регулировании и согласовании их действий, что осуществлялось бы из одного, находящегося в зоне видимости всеми командами центральном пункте, путем передачи из данного пункта необходимых команд с помощью средств сигнализации и связи. Таким, прежде всего, наблюдательным и одновременно диспетчерским пунктом (т.е. передающим распорядительные команды, отслеживающим их выполнение и координирующим взаимодействие пожарных команд в городе) и являлась городская водонапорная башня, которая была предназначена и

сооружена не только для функционирования по своему прямому назначению (т.е. централизованной подачи под определенным напором питьевой воды в различные места её потребления), но и как городская пожарная каланча.

Илл.40. Первоначальный вид наблюдательной башенки *(на снимке сверху)*, расположенной на водопроводной башне.

Илл. 41. Пожарное депо («о шести растворах»)
Муромской городской пожарной команды.

В этом здании депо городская пожарная команда размещалась с 1871 года. Как видно из показанного технического вооружения команды, состоящего из большого количества ручных насосов («заливных труб»), тушение пожаров могло быть эффективным лишь тогда, когда они возникали рядом с имеющимися водоемами.

Илл.43. Частная добровольная пожарная команда Емельянова В.М.
во дворе у здания пожарного депо команды..

Как уже было отмечено, возглавлял все пожарные команды .Мурома В. М. Емельянов (см. Илл.43), действительный член Императорского Российского Пожарного общества; прочие сведения о нем содержатся в источниках [33 – 35 и др.].

Илл. 44. Емельянов Владимир Макарович 1893 г.

Кстати, одна из фотографий Муромской городской пожарной команды приведена на Илл. 45. Данная фотография интересна тем сооружением, которое показано на заднем плане фотографии. В имеющихся публикациях оно пока нигде и никем еще не идентифицировалось, а между тем это весьма примечательное для Мурома сооружение: ведь это не что иное, как Муромский городской ипподром.

Илл. 45. Муромская городская пожарная команда на фоне городского ипподрома.

Знарок старого Мурома В.И. Добрынкин в своей книге «Муром прежде и теперь» отмечал: «Неподалеку от вокзала, на выгоне, устроен ипподром для конского бега» [34].

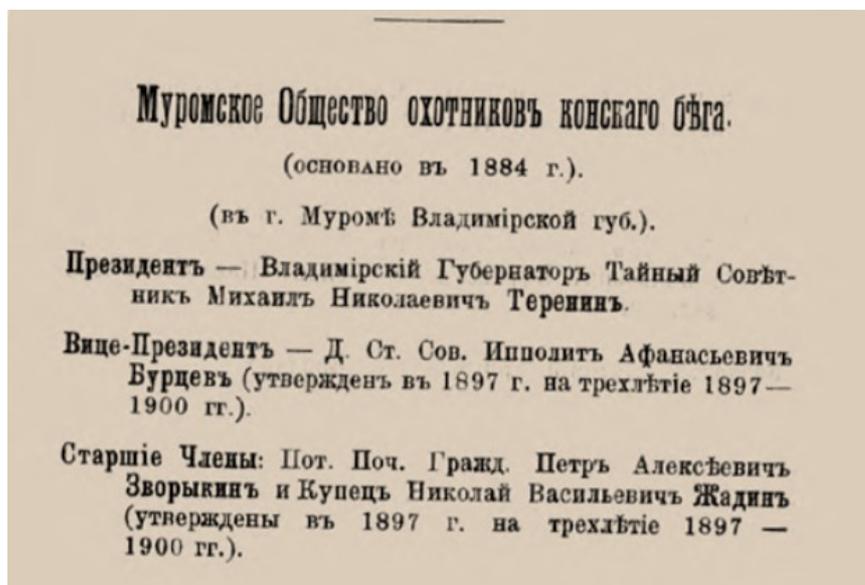
На показанной выше фотографии можно видеть наиболее характерные элементы ипподромов того времени, это: расположенные под кровельным навесом вдоль финишного отрезка бега трибуны для зрителей; возведенную над крышей напротив финишной линии судейскую вышку с высоким шатровым верхом, ну и, наконец, - беговую дорожку для конских бегах с естественным грунтовым покрытием.

Конечно, Муромский ипподром был довольно скромным и во многом уступал другим богато оборудованным тогдашним ипподромам, скажем, такому, как в Калуге (см. Илл. 45), но, в принципе, это был самый настоящий, действующий ипподром.

Илл.46. Почтовая открытка с видом Калужского ипподрома.

Более того, наряду с ипподромом в прежнем Муроме с 1884 года существовало и «Муромское Общество охотников (т.е. «любителей» - Н.З.) конского бега». Вырезка из брошюры с данными об этом обществе приведена на Илл. 47.

Илл. 47. Вырезка из брошюры с данными о Муромском обществе охотников конского бега.

Как видно из приведенных данных об обществе, наряду с почетными «иногородними варягами» в лице Владимирского Губернатора Теренина М.Н. и Действительного

Статского Советника Бурцева И.А., старшими членами в руководстве общества были и два «Муромских олигарха»: Потомственный Почетный Гражданин города Муром Зворыкин Петр Алексеевич (см. Илл. 48) и Муромский купец Жадин Николай Васильевич.

Илл. 48. Петр Алексеевич Зворыкин – родной дядя «отца телевидения» Зворыкина Владимира Козьмича.

Возвращаясь к описанию функционирования Муромской городской водонапорной башни в качестве пожарной каланчи, следует отметить, что в России прежнего времени устройство пожарных каланчей при всей множественности их видов и различий в их архитектурном облике, было типичным, если не сказать – одинаковым.

Как правило, все пожарные каланчи вверху заканчивались высоким шпилем (или спицем), к которому прикреплялись в зависимости от конкретной пожарной ситуации определенные пожарные сигнальные знаки.

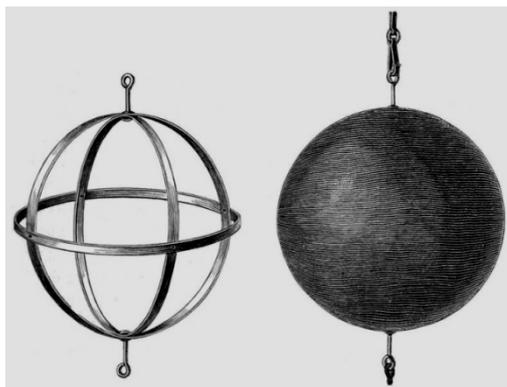
В число таких знаков обычно входили показанные на приводимой далее иллюстрации (см. Илл. 49) три вида знаков: шары; кресты (перекладины) и сигнальные фонари. Подробные характеристики каждого из названных сигнальных пожарных знаков с соответствующими детальными пояснениями приведены в работе. [37], где, в частности, отмечено следующее:

«Каланчовый сигнальный шар состоял из трех или четырех (в зависимости от размеров шара) деревянных или железных обручей, обтянутых парусиной, которая окрашивалась черной краской. Обручи скреплялись вверху и внизу заклепанными концами двух железных стержней, противоположные концы которых были загнуты крюками, предназначенными для поднятия

Каланчовая сигнальная доска (крест) состояла из двух досок (каждая толщиной около двух дюймов), которые вставлялись крестообразно одна в другую, в особые зарезки, сделанные для этого на каждой из них; затем доски скреплялись железным стержнем, для поднятия креста.

Корпус каланчового сигнального фонаря состоял из толстой проволоки с напаянной по краям жестью. В фонаре четыре стекла, из которых одно представляло собой выдвижную дверцу. Стекла в каланчовых сигнальных фонарях были белые, красные и зеленые. На крышке фонаря находилась «дымогарная» трубка; на дне фонаря посередине – узкая продолговатая трубка для свечи, а вокруг этой трубки – «вентилятор»

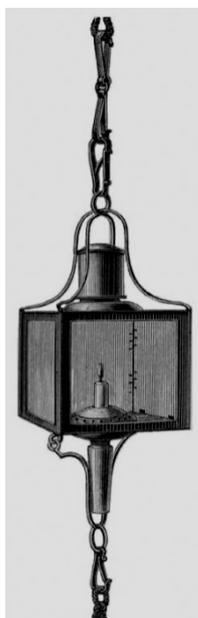
в виде невысокого подъема дна, снабженного небольшими отверстиями для притока воздуха, необходимого для горения свечи».

а)

б)

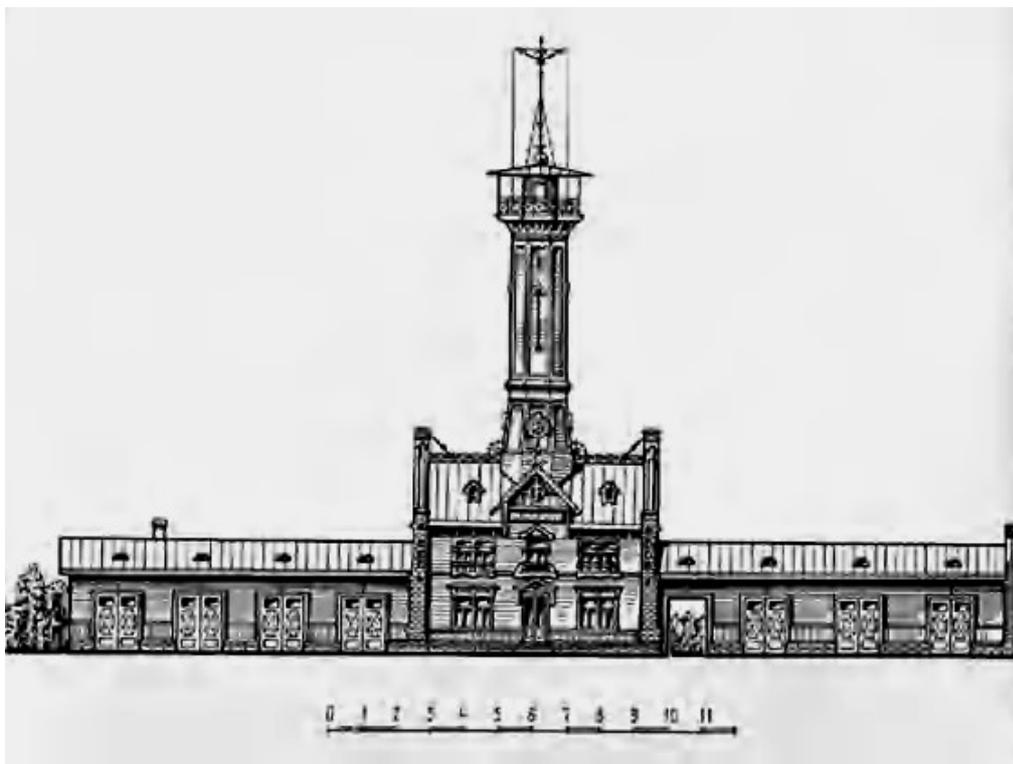
в)

Илл. 49. Сигнальные пожарные знаки: а) парусиновый (или кожаный) черный шар; б) крест (перекладина); в) сигнальный фонарь.

В 1883 году так называемая горизонтальная система вывешивания на каланче пожарных сигнальных знаков, извещавших о возникновении пожаров и о необходимых сборах пожарных команд, была заменена на вертикальную систему, прослужившую до 20-х годов XX века [38]. При прежней системе вывешивания знаков от порывов ветра расположение вывешенных знаков могло меняться так, что пожарным с земли трудно было разобрать, какая комбинация знаков вывешена на каланче.

При новой системе вывешивания пожарных знаков были внесены определенные изменения в конструкцию верхней завершающей части каждой каланчи. Теперь к шпилью (шпицу) каланчи стала прикрепляться легкая металлическая небольшая поперечная траверса (часто называемая «коромыслом»), обычно красиво художественно оформленная, как, в частности, это показано на рисунке, приведенном на Илл. 50

К концам «коромысла» прикреплялись двумя металлическими тросиками надежно удерживающие в заданном положении всю эту конструкцию две стяжки, противоположные концы которых закреплялись с необходимым натяжением на будке пожарного наблюдателя так, как это видно на той же Илл. 50. (Первоисточником показанного на иллюстрации рисунка является публикация [39] – Н.З.).

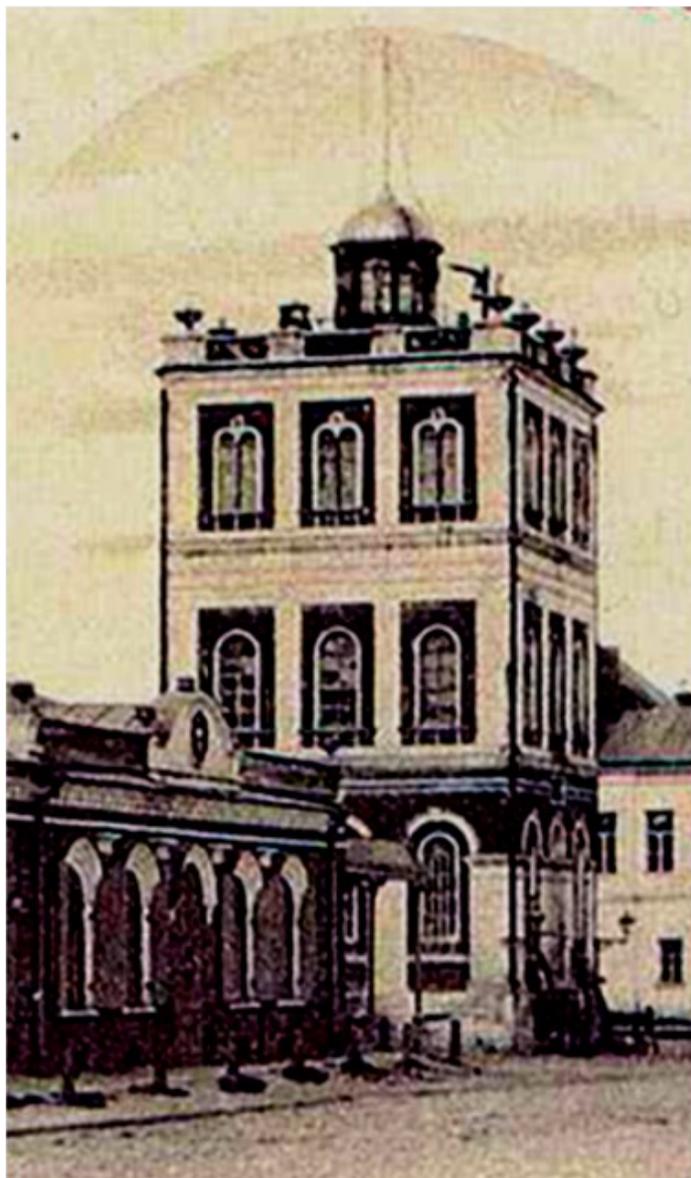
Илл. 50. Рисунок пожарной каланчи с изображением (в верхней части рисунка) конструкции для крепления пожарных сигнальных знаков в соответствии с вертикальной сигнальной системой.

Произведенный в Российской империи в 1883 году переход от горизонтальной системы знаковой пожарной сигнализации к вертикальной потребовал осуществления определенных нововведений в этой области применительно к Муромской каланче, (т.е. в осуществляющей её функции Муромской водонапорной башне), а также применительно и к Муромскому пожарному депо.

Что касается водонапорной башни, то эта задача решалась тем же путем, что описан выше и конструктивно продемонстрирован на Илл. 50. И если ранее шпиль Муромской водонапорной башни и его крепление к ней выглядели так, как это показано на Илл. 35 и 40, то новой конструкцией шпиля с траверсой (коромыслом), предназначенной для применения вертикальной системы каланчовых извещающих условных пожарных сигналов, стала та, которая показана в верхней части рисунка на Илл.34.

Прежняя конструкция шпиля наблюдательной башенки и крепящей его дуги, применявшаяся на Муромской водонапорной башне до введения вертикальной системы

каланчовых сигналов, показана также ещё и на Илл 51, которая представляет собой фрагмент старой почтовой открытки с видом Муромской водонапорной башни.

Илл. 51. Фрагмент почтовой открытки с видом Муромской водонапорной башни.

Помимо конструктивных нововведений на водонапорной башне были произведены нововведения и на здании депо Муромской городской пожарной команды, тоже связанные с применением новой вертикальной системы каланчовых извещающих условных пожарных сигналов. На каждом из передних углов здания депо были установлены высокие, так называемые «каланчовые», деревянные съемные шесты (см. Илл. 52).

С установкой таких шестов отдаваемые при пожарах распоряжения начальника городской пожарной команды, рассчитанные на исполнение всеми другими пожарными командами, знаково оформлялись так: вначале на данных шестах вывешивались нужные сигнальные знаки, которые затем тут же дублировались находящимися на крыше городской водонапорной башни пожарными наблюдателями на хорошо видном из всех окрестных мест шпиле городской водонапорной башни и были видны всем.

Такое нововведение в Муромской городской пожарной команде было весьма рациональным: оно исключило возможную путаницу в передаче условными знаками распорядительных указаний начальника команды и резко сократило время передачи таких указаний.

Илл. 52. Муромская городская пожарная команда у здания пожарного депо с установленными на нем каланчовыми шестами. 1870-е годы

Показанная далее Илл.53 приведена здесь также в связи с каланчовыми шестами.

Илл. 53. Добровольная пожарная дружина с. Столбищи Ярославской губ. 1906 год.

Дело в том, что в публикации «О пожарных в дореволюционной Москве» (см. [40]) приведена такая ремарка : «Каланча это высокая башня с длинным шестом при здании

пожарной части. У шеста сверху была рогатка, к ней были прикреплены шнуры, на них, при пожаре, вывешивались пожарные знаки в светлое время суток, а ночью фонари».

Думается, что насчет «рогатки сверху шеста» тут не совсем правильно. Если взглянуть на фотографию, показанную на Илл.53, то можно видеть, что на концах шестов сверху была не рогатка, а насаживался обычный пожарный багор, который был гораздо удобней, чем рогатка, при навешивании на шпиль каланчи сигнальных пожарных знаков.

Постановка противопожарного дела в Муроме постоянно совершенствовалась организационно в том числе, прежде всего, в том, что касалось каланчового наблюдения и оповещения о возникающих пожарах. Так продолжалось без каких-либо существенных технологических инноваций в этом деле с 1864 по 1890 год. Однако с 1890 года, года начала эры телефонизации в Муроме, каланчовое наблюдение постепенно утрачивает свое значение и основную роль в оповещении о пожарах начинает уже играть телефонная, а также телеграфная, а позднее и радио - связь.

Приметами наступления эры телефонизации в Муроме стали изменения, произошедшие в техническом оснащении пожарного депо Муромской городской пожарной команды.

Над зданием пожарного депо появилась надстройка в виде небольшого флигелька «о двух окошках» с довольно высокой шатровой пирамидальной крышей, завершающейся сверху шпилем с шаровым основанием (см. Илл. 54).

Илл. 54. Муромская городская пожарная команда у здания пожарного депо.
1890 – е годы.

Сам шпиль шатровой башенки флигелька на приведенной фотографии не показан, но его довольно отчетливо можно усмотреть еще на одном снимке того времени, выполненном с противоположной стороны пожарного депо. Это снимок Муромского тюремного замка, показанный на фотографии, приведенной на Илл. 55.

На этом снимке слева, почти у самого края снимка, можно видеть небольшую шатровую пирамидальную крышу флигелька, надстроенного на здании депо Муромской пожарной команды. Крыша эта завершается шпилем, на который пожарные навешивали условные знаки пожарной сигнализации.

Илл. 55. Здание Муромского тюремного замка. 1913 год.

Возвращаясь к фотографии, приведенной на Илл.54 и, в частности, к показанному на ней двухкошечному флигельку, отметим, что отдельные его детали на снимке плохо различимы. Более отчетливо они выглядят на фотографии показанной на Илл. 56.

Илл. 56. Вид здания Муромского пожарного депо с надстройкой на нем.

Как видно из этой фотографии выстроенный над зданием пожарного депо флигельк являл собою не что иное, как приемный узел или оконечный пункт всех городских

абонентских телефонных линий связи. И надо полагать, что сам показанный на фотографии флигелек, о тогдашнем внутреннем виде которого можно только догадываться, являлся прямым прообразом такого современного пульта оперативного дежурного пожарной части [41], какой показан на Илл. 57.

Илл. 57. Пульт оперативно-диспетчерской связи пожарных и аварийных служб муниципальных образований (ПОДС ЕДДС «01»)

Приемный пункт телефонной связи пожарной охраны имел прямое проводное соединение со всеми городскими абонентскими пунктами.

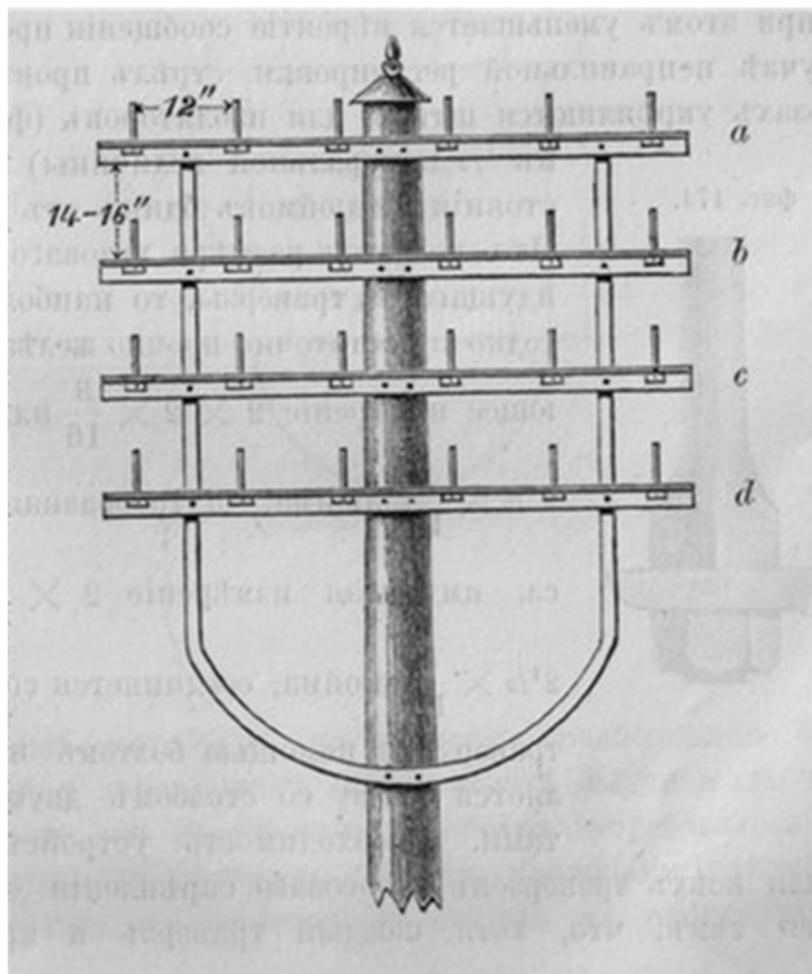
В общем случае система городской телефонной связи в прошлом состояла из трех элементов [42]: терминала (абонентского телефонного аппарата), сети доступа (проводных линий телефонной связи) и коммутатора, расположенного на местной телефонной станции. Работа коммутатора была возможна лишь при участии телефонистки – «телефонной барышни», которая набирала номер вызываемого абонента вставляя так называем «штекеры» в выбираемые ею гнезда коммутатора.

(Примечание: Надо заметить, что в Муроме прошлого времени телефонная станция, почтовая контора и телеграфная станция располагались под одной крышей в здании, находившемся в центре города. Ныне на этом месте расположено Муромское отделение ОАО «Ростелеком» - Н.З.).

Проводные линии телефонной связи размещались на деревянных столбах по однопроводной схеме с использованием «гальванизированной проволоки диаметром 2,2 мм» [42]. Вторым проводником была земля. Системы связи, как и системы оповещения о пожарах, были слаботочными; напряжение тока составляло 12 и, реже, - 24 вольт.

Для подвески проводов на концах столбов сверху устанавливались металлические траверсы (так называемые «траверсы типа лиры») либо с U – образной, либо с V – образной нижней частью. На штыри траверсы наворачивались фарфоровые, покрытые глазурью изоляторы

Первый тип траверсы показан на Илл.58, а второй – можно видеть на старой почтовой открытке с фотоизображением приюта имени супругов А.В. и М.Е. Ермаковых (см. Илл. 59).

Илл.58. Телефонный столб с траверсой «типа лиры» для городских проводных воздушных линий связи.

Илл. 59. Почтовая открытка с изображением приюта имени супругов Алексея Васильевича и Марии Ефимовны Ермаковых

Какое преимущество получили жители Мурома с созданием централизованного пункта приема телефонных оповещений о пожаре, показанного на фотографии, приведенной на Илл. 56 ?

Чтобы понимать это, необходимо знать, как осуществлялся в то время процесс разговора абонентом по телефону. Вот как описывается такой процесс в публикации [42]:

«Общение по телефону начиналось с того, что вызывающий абонент 4-5 раз крутил ручку индуктора, которая находилась на корпусе телефона. Таким способом он пока вызывал не нужного ему абонента, а телефонистку со станции, т.к. автоматические коммутаторы еще не были внедрены в практику. Затем вызывающий снимал трубку и дожидался пока барышня со станции не произнесет слово: «центральная». Абонент после этого внятно называл нужный ему номер, телефонистка вручную соединяла его с вызываемым абонентом и произносила еще одно слово: «готово». После этого вызывающий клал трубку на рычаг и снова крутил ручку индуктора. Но теперь он звонил уже не на станцию, а нужному ему человеку. Последний, услышав вызов, брал трубку и начинал разговор. После окончания беседы инициатор ее клал трубку и снова прокручивал индуктор на пол-оборота. Этим он давал сигнал барышне на телефонной станции о том, чтобы она разъединила у себя на рабочем месте две соответствующие ячейки.

Барышнями, работавшими на коммутаторах, были специально подобранные и обученные девушки с быстрой реакцией и широким размахом рук. Им категорически запрещалось вступать в посторонние разговоры с абонентами кроме произнесения тех слов, которые были приведены выше. Телефонная станция отключала связь во время грозы, по просьбе абонента она могла отключить связь с ним на определенное время дня или ночи, чтобы он мог отдохнуть от звонков».

С созданием же в Муромском пожарном депо централизованного пункта приема телефонных извещений о пожаре стала исключена необходимость для любого абонента, дозваниваясь на городскую телефонную станцию, ожидать, когда «телефонная барышня» соединит его с номером телефона пожарной охраны, и лишь затем начинать передавать свое сообщение непосредственно пожарным. Любой абонент мог самостоятельно, без помощи «телефонной барышни», сделать со своего телефона экстренный телефонный звонок напрямую в пожарную команду.

При этом время от начала экстренного телефонного вызова до соединения с пунктом приема телефонных извещений о пожаре составляло даже не минуты или целые часы, как это было раньше при обнаружении пожара дозорным пожарным наблюдателем с пожарной каланчовой башни, а всего лишь какие-то секунды.

Ясно, что эффективность создания в Муроме, пока еще не автоматизированной и во многом еще достаточно примитивной, но весьма действенной городской системы оповещения о пожарах была несомненной. В других городах и населенных пунктах подобных систем оповещения о пожарах еще не было. Во всяком случае публикаций об этом до сих пор не встречалось.

Эффективность применения телефонной системы оповещения о пожарах возрастала с ростом абонентской сети в Муроме и её разветвлением на застроенной территории города.

Каких-либо данных о степени разветвленности или охвате телефонной сетью застроенной на то время территории Муромы не имеется, а вот представление об объеме абонентской телефонной сети или её величине можно получить из показанной на Илл. 60 таблицы, являющейся, в свою очередь, частью таблицы, приведенной в публикации [43].

Как видно из таблицы количество абонентов телефонной связи в Муроме по сравнению с другими населенными пунктами Муромского округа Нижегородского края в 1929 году было наибольшим. На тот период, о котором идет речь в данной публикации, оно, наверное, было несколько меньше, но ненамного, учитывая события прошедшей гражданской войны, минувшую разруху и всё прочее.

Но здесь важно иметь в виду еще вот какое обстоятельство. Даже при сопоставимом количестве абонентов число специалистов, занятых установкой и техническим обслуживанием телефонных аппаратов, монтажом и обслуживанием соответствующих линий связи, телефонизированных систем пожарного оповещения и

много прочего другого из этой области, получается довольно внушительное. Причем всё это должны быть специалисты высокой квалификации, с хорошей учебной подготовкой и большим практическим опытом.

Т е л е ф о н ы :	
Наименование станций	Колич. абонент. на 1/X-29 года
Павлово	180
Ворсма	35
Выкса	129
Муром	235
Кулебаки	Заводская станция
Итого	579

Илл.60. Охват телефонной связью населенных пунктов Муромского округа Нижегородского края по состоянию на 01. 09. 1929 года.

Муром на тот период, как один из первых городов не только среди близлежащих населенных пунктов, но и во всей Владимирской губернии, в котором была создана телефонизированная городская система пожарного оповещения, стал своего рода опорной базой по обучению, обмену знаниями в этой области и практической подготовке необходимых специалистов в других населенных пунктах.

Наставниками и обучающими в этом деле были такого рода специалисты, каких в частности, можно видеть среди запечатленных на фотографии, приведенной на Илл.56, где показан процесс работы по техническому обслуживанию оборудования и телефонных линий связи пункта приема телефонных оповещений о пожаре, проводимой двумя стоящими на высоких лестницах связистами – телефонистами под надзором стоящего на земле и наблюдающего за ними какого-то (судя по его форменной офицерской одежде). инженера из военизированного подразделения связи. Так что, если судить даже по данной фотографии необходимые специалисты – связисты в Муроме были уже тогда.

Позднее, при Советской власти, созданный в Муроме Райвоенкомат постоянно направлял на военную службу в подразделениях связи можно сказать «львиную» долю из всех призываемых в Муроме на обязательную военную службу призывников, которые и получали там соответствующую военно-техническую подготовку.

Так, например, мой отец, коренной житель Мурома, Зворыкин Михаил Леонидович (1902 – 1957), по окончании в 1925 году Горьковского промышленно-экономического техникума в соответствии с Законом об обязательной военной службе, принятом в том же году, был призван на обязательную воинскую службу в Армию Муромским РВК 17.09.1925 года с зачислением в артиллерийский полк в звании рядового по специальности «связист». Там он стал специалистом по военно-учетной специальности «связисты-проводочники и специалисты кабельно – шестовых линий» с должностной квалификацией «линейные надсмотрщики». Был уволен в запас 17.07.1926 года.

С началом Великой отечественной войны был мобилизован Муромским РВК 27.12.1941 года, зачислен линейным надсмотрщиком в 501 отдельную телеграфную роту 140 отдельного зенитно-минометного батальона и участвовал в боевых действиях в течение всего периода войны до победы над Германией в 1945 году. Был демобилизован из армии 27.08.1945 года и вернулся в Муром живым и здоровым, и с боевыми наградами. Орденов, правда, среди них не было, но медали были, и не одна.

Ну, а что пришлось испытать военным связистам в те годы и каким был их ратный труд с тяжелой катушкой провода за плечами, с переносным телефоном в одной руке и карабином в другой, в погоду и непогоду, ползком, прижимаясь к земле – все это запечатлено на приводимой здесь часто публикуемой фотографии (см. Илл. 61).

Илл. 61. Фотография военного связиста.

С учетом всего отмеченного здесь о наличии в Муроме прошлого времени определенного кадрового потенциала и накопленного там опыта в области развития телефонной и всех других видов электросвязи, представляется совсем не случайным принятие в не таком далеком прошлом правительственного решения о создании Муромского военного училища связи.

Да, было в Муроме такое училище (если кто не знает или не помнит этого) и не просто какое – ни будь там «захудалое» ремесленное, или профессионально – техническое начального уровня образования училище, а полноценное военное училище со средним уровнем образования, ставшее в дальнейшем (но уже не в Муроме, а в Новочеркасске, куда оно было переведено)) высшим военным учебным заведением страны.

Вот каково выписанное из Википедии [44] изложение в тезисном виде истории данного училища:

- 7 декабря 1937 года на базе 41-го территориального запасного полка связи директивой ГШ РККА в г. Муроме Владимирской области были созданы курсы усовершенствования командного состава войск связи (КУКСВС);

- 30 июня 1941 года директивой ГШ № орг.Л/524375 курсы усовершенствования командного состава войск связи были преобразованы в Муромское военное училище связи (МВУС);

- в январе 1964 года, согласно директиве ГШ №60442, Муромское военное училище связи передислоцируется в город Новочеркасск и переименовывается в Новочеркасское военное училище связи;

- с 1995 года училище объявлено государственным учреждением высшего профессионального образования с 5-летним сроком обучения;

- 1 ноября 1998 года училище преобразовано в Новочеркасский военный институт связи (НВИС).

- в 2004 году НВИС переименован в Новочеркасское высшее военное командное училище связи (военный институт);

- с 1 октября 2011 года Новочеркасское высшее военное командное училище связи прекратило своё существование.

ВУЗ проводил подготовку выпускников по специальностям:

- радиосвязь, радиовещание и телевидение;
- сети связи и системы коммутации;
- многоканальные телекоммуникационные системы.

В училище работало 6 докторов наук, 71 кандидат наук, 6 профессоров, 58 доцентов.

В июне 2017 года в честь легендарного училища связи в Новочеркасске был открыт памятник.

Такая вот была история Муромского военного училища связи, существовавшего в Муроме более четверти века, считая с конца 1937 года, переведенного затем в город Новочеркасск и там уже, почти через полвека, прекратившего свое существование.

А размещалось в бытность свою в Муроме военное училище связи на территории Спасского монастыря, о чем свидетельствует и небезынтересная фотография, показанная на Илл. 62.

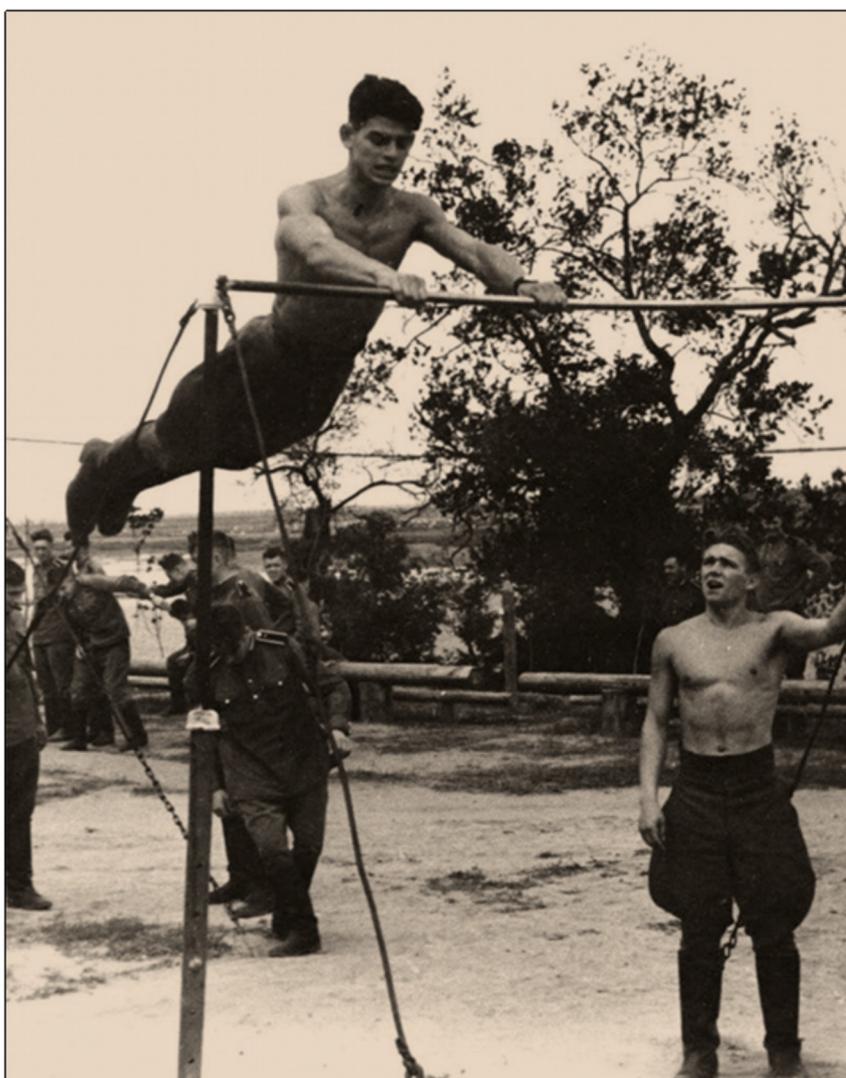

Илл. 62. Муромский Спасский монастырь, фото начала 1960-х годов.

А в фотолетописи существования МВУС в Муроме сохранилось немало интересных снимков, среди которых более всего импонируют два, представленные на Илл. 63 и 64.

Илл. 63. Курсанты МВУС на физзанятиях в спортгородке на берегу Оки.

Илл. 64. Курсантское «солнышко на турнике».

Особенно хорош последний снимок – это, остановленное затвором фотоаппарата и оставленное в памяти потомков одно из «прекрасных мгновений» в жизни тогдашних

курсантов Муромского военного училища связи (МВУС). Глядя на этот снимок невольно думается: что, наверное, не одно сердце муромлянок было разбито такими вот курсантами, но курсанты эти свято помнили известный каждому связисту девиз – «За связь – без брака!», и неуклонно ему следовали.

Возвращаясь после столь пространныго экскурса в историю Муромской водонапорной башни и созданной на ней в 1864 году каланчовой пожарной службе, в заключение следует отметить, что исторический период существования такой службы оказался сравнительно недолгим. Появление в 1890 году в Муроме телефонной связи, её дальнейшее активное развитие и создание на её основе телефонизированной городской системы оповещения о пожарах, сделали абсолютно ненужным применение созданной на водонапорной башне каланчовой пожарной службы и такая служба была ликвидирована в начале 1890-х годов. Водонапорная же башня, как и прежде, продолжала осуществлять все остальные функции своего прямого предназначения.

Одной из таких функций являлся подвод воды по водопроводным трубам проложенным под землей из резервуара (бака, чана), установленного на верхнем этаже водонапорной башни, куда она поступала из городской водокачки, к определенным на территории города и оснащенным, соответствующим образом местам (пунктам) разбора воды жителями города. В городском водопроводе Ержемским Г.И. в инженерном плане были применены два вида таких водоразборных пунктов : водоразборные фонтаны и водоразборные будки.

Здесь надо отметить, что Г. И. Ержемский, как высококлассный специалист, в каком-то смысле был не инженером – новатором, изобретающим что-то новое, а скорее инженером – консерватором, поборником прежде всего надежности. Все его инженерные решения представляли собой продуманный отбор ранее примененных и практически уже проявивших себя инженерных решений и гарантировали эксплуатационную надежность.

Вот и при решении вопросов при сооружении им водоразборного фонтана для городского водопровода в качестве образцового проекта им был использован типовой проект Московских водоразборных фонтанов, разработанный знаменитым российским архитектором Бове О.И. (1784 – 1834). Всего по такому проекту было сооружено пять Московских фонтанов, в художественном оформлении каждого из которых участвовал привлеченный Бове О.И. выдающийся русский скульптор итальянского происхождения Витали И.П. (1794 – 1855). В результате их совместной работы к середине 1830-х годов в Москве были созданы одни из красивейших не только в России, но и в Европе, как это признано в настоящее время, городские фонтаны. К настоящему времени их сохранилось только два: Петровский и Никольский фонтаны.

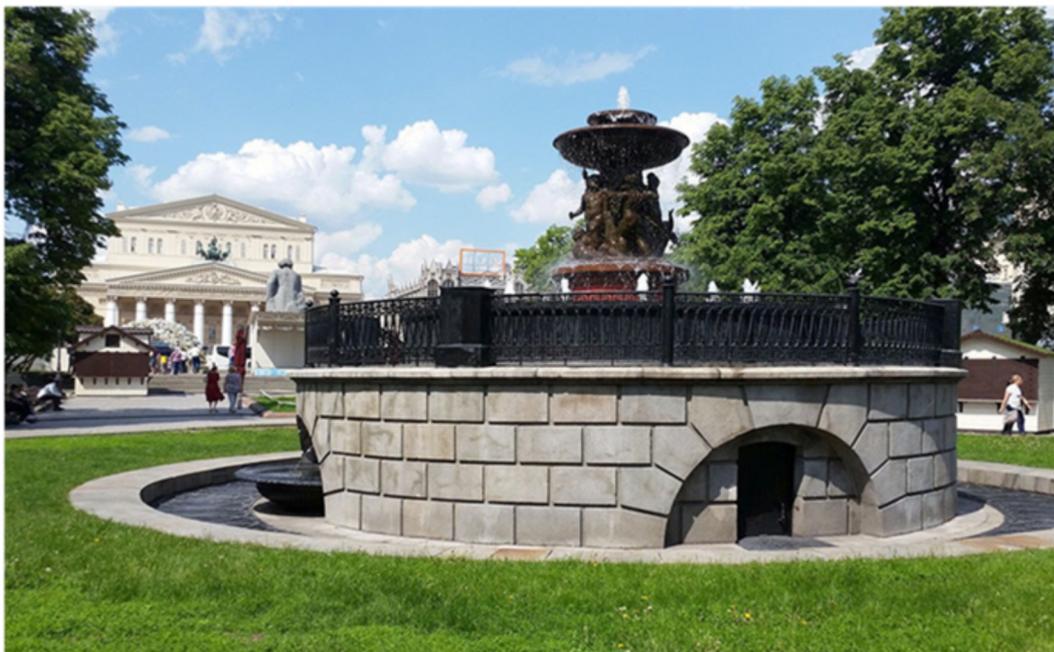
Петровский фонтан, более известный как фонтан «Витали», был установлен на границе современных Московских площадей - Театральной и Площади Революции напротив Большого театра и памятника Карлу Марксу.

Как он выглядит в настоящее время, можно видеть на современной фотографии, приведенной на Илл. 65. Фонтан и сейчас является действующим и в теплое время года работает ежедневно. Каких—либо существенных переделок в архитектурном плане фонтан со времени своего создания не претерпел. Можно сказать их вообще не было. А вот с инженерно - технической стороны новации в фонтане были осуществлены существенные. Но об этом более подробнее будет сказано несколько позднее.

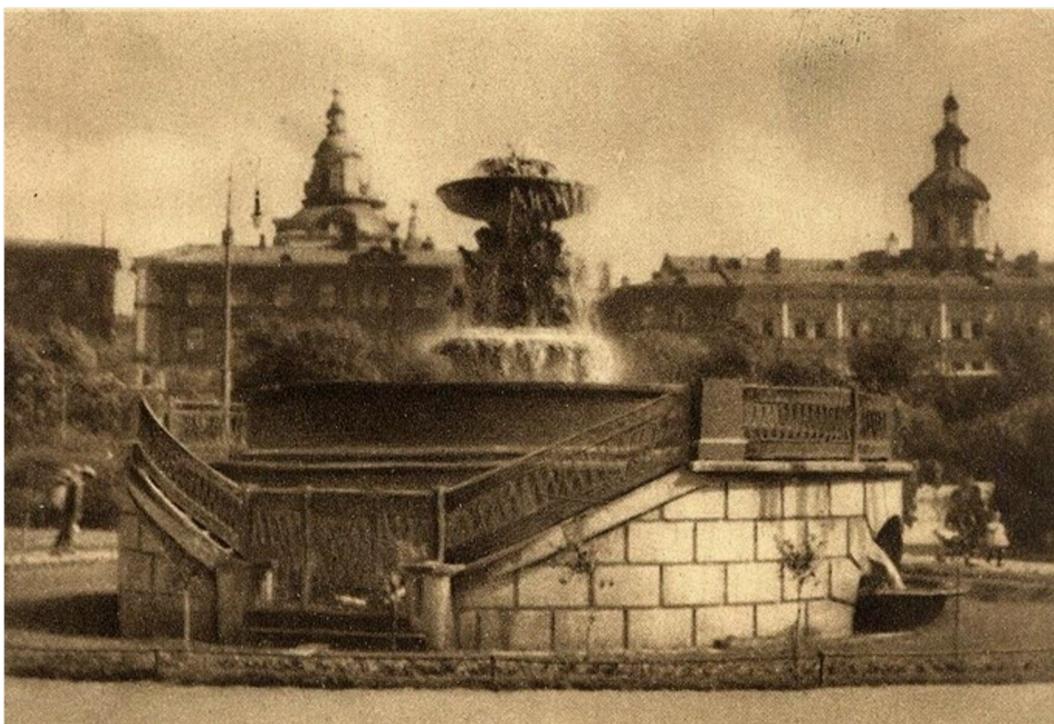
Конечно, думается, что небезынтересно знать и как выглядел данный фонтан, который был выбран Ержемским Г.И. в качестве образца водоразборного фонтана при сооружении Муромского водопровода, и к тому конкретному периоду его времени. Этот его вид показан на фотографии, приведенной на Илл.66.

Снимок на данной фотографии сделан со стороны противоположной той, которая показана на ранее приведенной фотографии фонтана. Но даже по такому снимку, в сопоставлении его с предыдущей фотографией, можно судить, что за прошедшее время архитектурных изменений в облике фонтана не произошло.

Вот в другом, втором сохранившемся к нашему времени и уже упоминавшемся здесь выше Никольском фонтане в Москве изменения произошли существенные.

Илл. 65. Петровский фонтан в Москве. Архитектор Бове О.И., скульптор Витали И.П.
Современное фото

Илл. 66. Петровский фонтан в Москве. *Фотография 1860 – годов.*

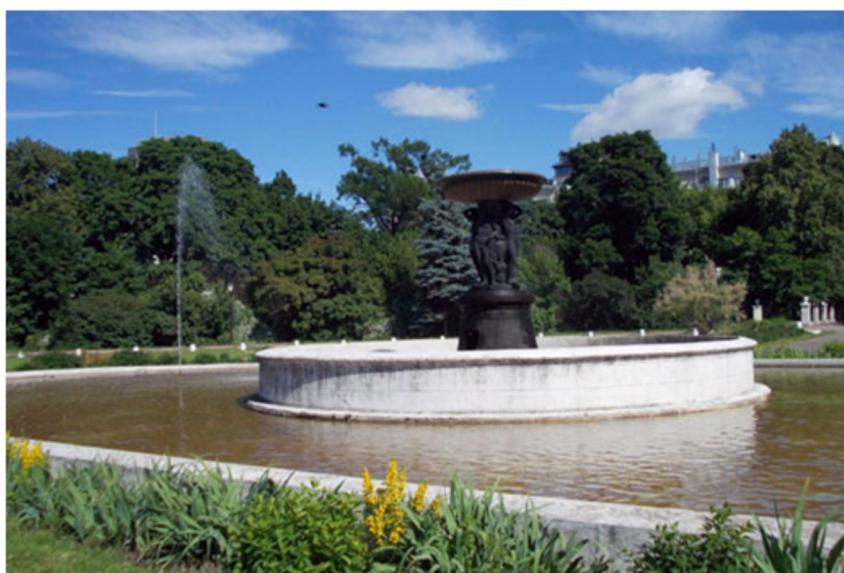
Как выглядел Никольский (или иначе называемый – Лубянский) фонтан в середине 1800-х годов, показано на фотографии, представленной на Илл. 67.

А его современный измененный вид, показан на фотографиях [47], приведенных на Илл.68 и 69. Причем стоит отметить, что изменился не только архитектурный облик фонтана, но и его прежнее месторасположение. С Лубянской площади он переместился на современный Ленинский проспект к зданию Президиума РАН, где и функционирует до сих пор.

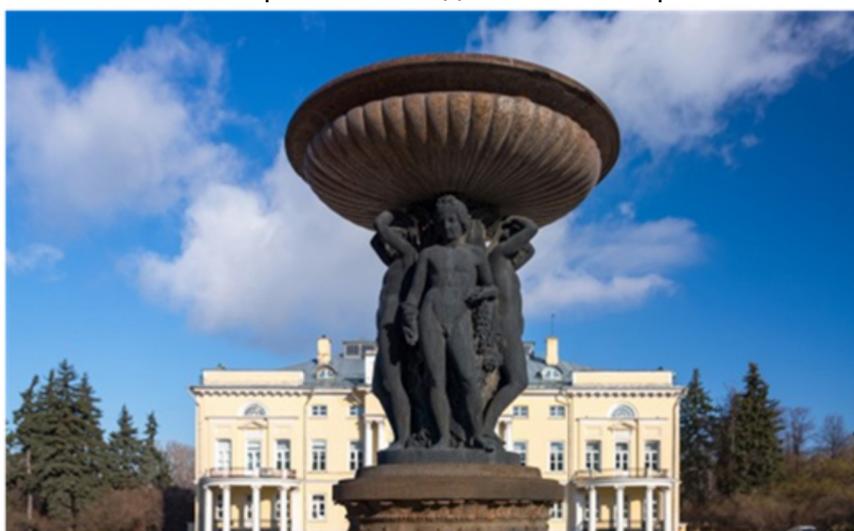
Информативно Илл. 68 и 69 для рассматриваемого вопроса по теме Московских фонтанов не столь существенны, а вот на Илл. 67 стоит обратить внимание.

Илл. 67. Никольский фонтан на Лубянской площади. Фото 1860-х годов

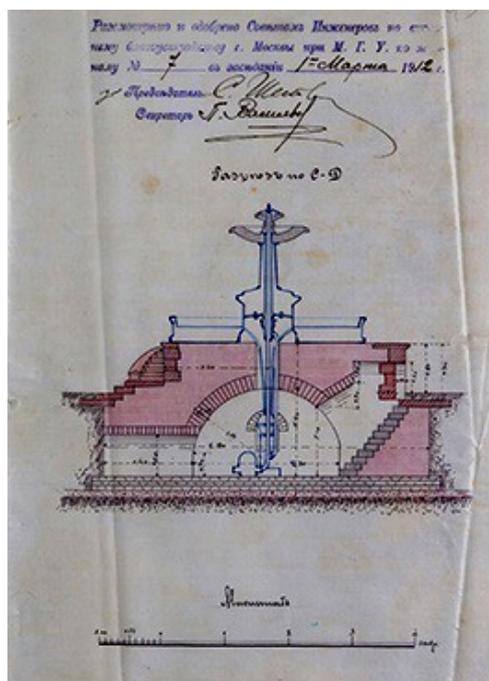
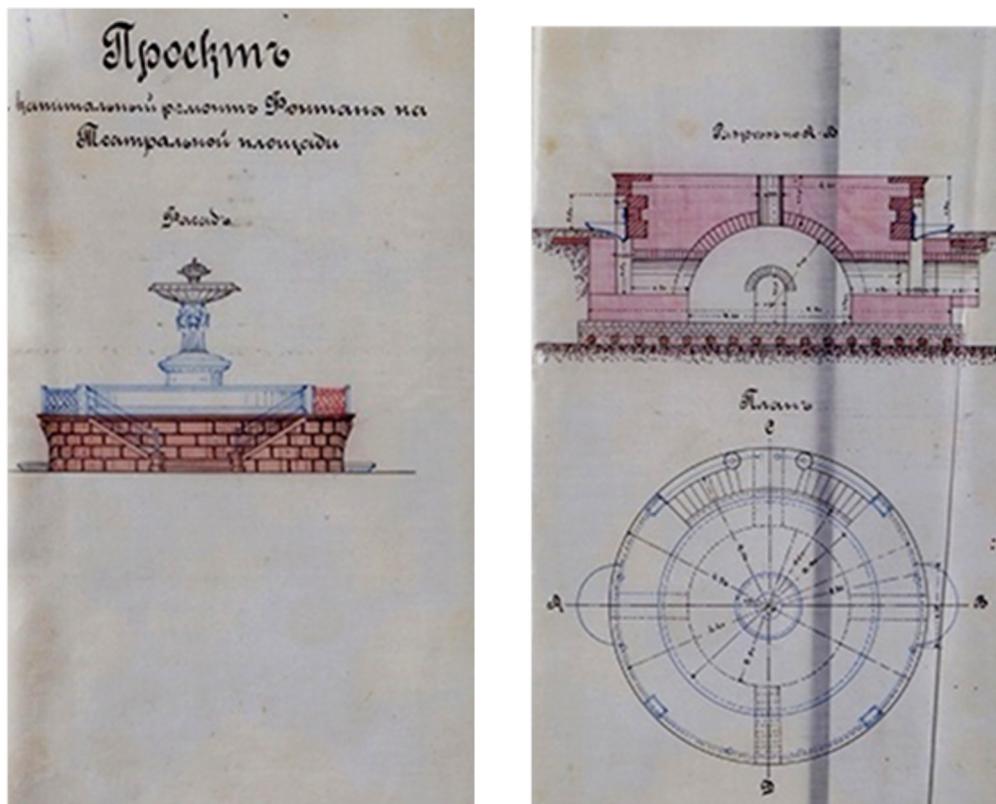

Илл. 68. Современный вид Никольского фонтана.

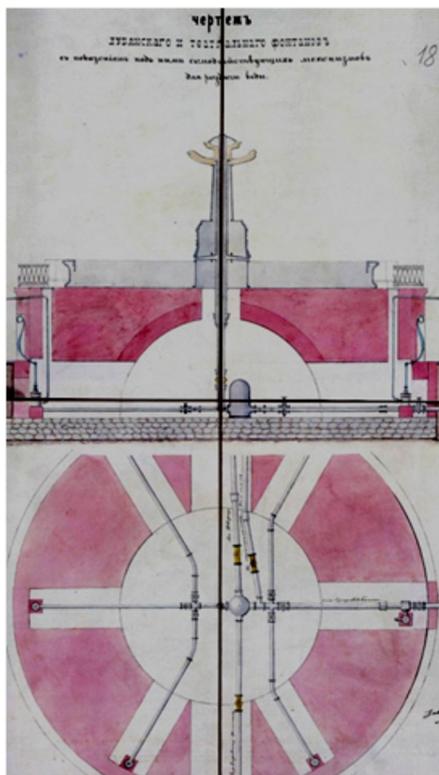

Илл. 69 Верхняя часть Никольского фонтана. Современный снимок

Указанная иллюстрация (Илл. 67) свидетельствует о том, что при всех внешних различиях в облике конкретных фонтанов их архитектурный проект, разработанный Бове О.И., был типовым в части гидротехнического оборудования. Все они имели каменную цокольную часть, на которую устанавливалась основная водоприемная чугунная чаша. Под этой цокольной частью фонтанов и располагалось все невидимое снаружи водопроводное оборудование. О его конкретном расположении в фонтанах, можно судить по сохранившейся технической документации 1912 года на капитальный ремонт Петровского (Театрального) и Никольского (Лубянского) фонтанов (см. Илл. 70 и 71).

Илл. 70. Архивные чертежи на капитальный ремонт Петровского фонтана на Театральной площади в Москве

Илл.71. Архивный «Чертеж Лубянского и Театрального фонтанов с показанием под ними самодействующих механизмов для раздачи воды».

Гидротехническое оборудование фонтанов, указанное на чертежах и разводка всех фонтанных водопроводов, конечно, были уже не изначальными, еще периода 1820 - х и даже более ранних годов, а соответствующим тем самым прогрессивным инженерным новациям в области водопроводного дела, которые были осуществлены в 1850-е годы в России талантливым изобретателем и специалистом – практиком, «творцом русского водопроводного дела» (по выражению другого крупного специалиста, ученого и изобретателя в этой же области Зимина Н.П.) А.И. Дельвигом. (1813 – 1887). Его портрет приведен на Илл. 72.

Илл. 72. Портрет «творца водопроводного дела в России» А.И. Дельвига.

На этом его фотопортрете он предстает перед нами в пору расцвета своей деятельности, довольно молодым и еще не «забронзовевшим» от грядущих успехов военным инженером.

«Забронзовевшим» - сенатор, инженер-генерал-лейтенант, барон и пр. и пр. - Дельвиг Андрей Иванович запечатлен на выполненном Репиным И.Е. портрете, относящемся к числу самых лучших, просто блестящих репинских работ. (см. Илл. 73).

Илл. 73. Портрет А.И. Дельвига, художник Репин И.Е., 1882 год.

Дельвиг А.И., чья книга «Руководство к устройству водопроводов» (1856 г.) стала своего рода «катехизисом», самым ценным наставлением для каждого инженера по гидротехническим сооружениям, был однокашником Ержемского Г.И. по ИКИПСу и также, как и он, лютеранином.

Несомненно они были знакомы и часто, что называется «пересекались» по своей служебной деятельности; но был ли Ержемский Г.И. в каком-то персональном сотрудничестве, или в содружестве с Дельвигом А.И. – это вряд ли (особенно в последнем), учитывая большую разницу в их социальном статусе.

Но вот что удивительно: Дельвиг А.И. – этот корифей на поприще водопроводного дела, был напрочь лишен чувства красоты при создании своих гидротехнических сооружений; у Г.И. Ержемского же – наоборот – чувство красоты было врожденным. И в подтверждение этого можно даже сравнить: как выглядят по своему внешнему виду водоразборный фонтан городского водопровода, сооруженного в Нижнем Новгороде по проекту Дельвига А.И. в 1847 году (см. Илл. 74), и аналогичный фонтан Муромского городского водопровода, сооруженного по проекту Ержемского Г. И. в 1864 году (см. Илл. 75).

Илл. 74. Водоразборный фонтан в Н. Новгороде на Благовещенской площади

Илл. 75. Водоразборный фонтан в Муроме на площади Крестьянина.

Комментировать это сравнительное сопоставление по эстетичности двух фонтанов – фонтана Дельвига и фонтана Ержемского – необходимости нет: просто «Почувствуйте разницу!», как обычно пишется в современной рекламе.

Фонтан Ержемского Г.И. на приведенном выше снимке, который можно датировать серединой 1930-х годов, по своему внешнему виду очень напоминает Петровский фонтан в Москве, показанный на фотографии начала 1870-х годов [46] (см. Илл. 76). Однако, это только внешнее сходство – фонтан Ержемского Г.И. изготавливался и сооружался по его собственному оригинальному проекту, хотя и на базе проекта Бове О.И..

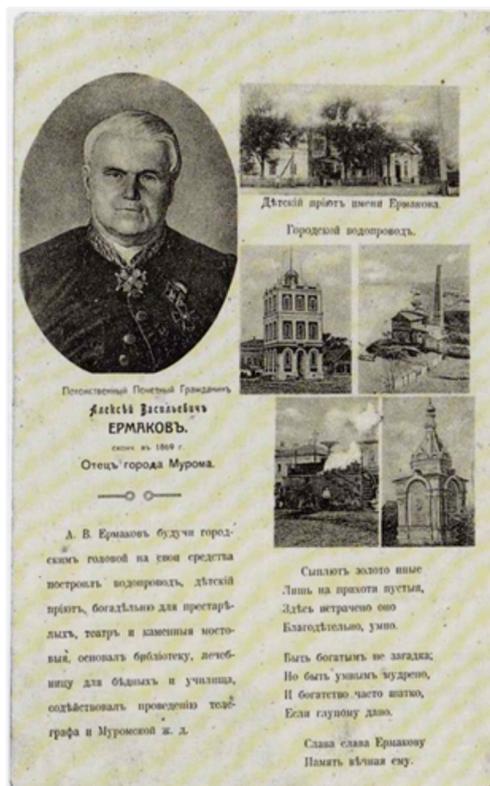
Илл.76. Петровский фонтан в Москве, архитектор Бове О.И., скульптор Витали И.П., 1820-е годы.

Конечно вид Муромского водоразборного фонтана не оставался неизменным; видоизменения в нем происходили на протяжении всей истории его существования.

Первое известное изображение этого фонтана было приведено на плакате и листовке, выпущенных в Муроме в 1914 году по инициативе тогдашнего городского головы Мяздрикова И. П.(см. Илл. 77, 78).

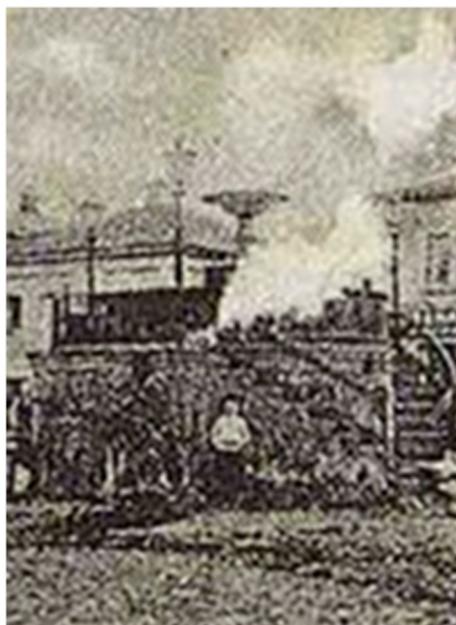

Илл. 77. Плакат, выпущенный в 1914 году к 50-летию юбилею открытия Муромского городского водопровода.

Илл. 78. Листовка, выпущенная в 1914 году к 50-и летию открытия Муромского городского водопровода.

Фрагмент вышешоказанной листовки с фотографией фонтана в увеличенном виде представлен также на Илл.79.

Илл. 79. Фрагмент юбилейной листовки в честь пятидесятилетия Муромского водопровода с видом водоразборного фонтана.

Четкое, различимое в деталях изображение данного фонтана, получившего название Предтеченского [47], имеющееся на сохранившейся фотографии, которую тоже можно датировать предположительно концом 1920-х – началом 1930-х годов, представлено на Илл. 80. Снимок фонтана, стоящего впритык к Предтеченской церкви запечатлел момент, какого-то произведенного демонтажа его.

Илл. 80. Муромский Предтеченский фонтан. *Предположительно 1930-е годы.*

Предпоследнее место расположения фонтана должно быть хорошо узнаваемо жителями Мурома по нижеприведенной фотографии (см. Илл. 81). На ней видна лишь небольшая часть фонтана, но стоящее за ним здание было весьма примечательно для Мурома того времени.

Илл. 81. Место расположения Муромского водоразборного фонтана на углу улицы Коммунистов в 1950 – х годах

Последнее же место расположения этого фонтана показано на фотографии, представленной на Илл. 82.

Это центральная аллея Окского сада, официально именовавшегося тогда «Парком им. В.И. Ленина», расположенная сразу за видным на фотографии входом в Окский сад.

Отсюда фонтан, во многом изменивший свой вид, но все еще узнаваемый и схожий с прежним в основных своих деталях, будет направлен в металлолом, на переплавку.

Илл. 82. Муромский фонтан на алле Окского парка. 1960-е годы

Снимок для данной фотографии был сделан бывшим главным архитектором города Беспаловым Н. А. и опубликован в его книге «Муром. Памятники искусства XVI – начала XIX века» [48].

Под снимком, сделанным Беспаловым Н.А., стоит важная для идентификации фонтана подпись: «Водоразборный фонтан. Парк им. В.И. Ленина». Главное в этой подписи - определение вида (типа) фонтана: «водоразборный». И это именно так. Водоразборный фонтан был единственным в Муроме; остальные фонтаны были «струйный» или, как еще их иногда называли, - «водоструйными»

Вместе с водоразборным фонтаном по проекту Ержемского Г.И. в Муроме были сооружены два именно струйных фонтана. Никаких утилитарных функций данные фонтаны не несли и являлись только своеобразными городскими украшающими объектами.

Как отмечено по поводу этих фонтанов в источнике [49]: «были устроены фонтаны: один - в усадьбе А.В. Ермакова на ул.Успенской, где так же находился небольшой пруд с декоративными рыбками и водяной каскад, спускающийся в речку Муромку, и фонтан - на территории Троицкого монастыря».

Что касается последнего, то никакой информации о том, как выглядел этот фонтан и о дальнейшей его судьбе, в имеющихся источниках нигде не указывается. Правда, в публикациях последнего времени часто стала появляться фотография струйного фонтана с низкой бетонной чашей большого диаметра, установленного в сквере напротив Троицкого монастыря возле памятника Ленину, сооруженного в ранние советские годы (см. Илл. 83). Конечно, это далеко не тот фонтан Ержемского Г.И., который был установленный в его время в Троицком монастыре. Однако показанный на приведенной фотографии фонтан, очень удачно вписывается в весь окружающий его ландшафт и пришелся, в том виде каким он запечатлен на данной фотографии, как говорится, «прямо к месту». Думается, что Ержемский Г. И. с его врожденным чувством красоты, будь он жив, одобрил бы данный фонтан. в таком вот его виде.

Илл. 83. Фонтан в сквере перед Троицким монастырем. 1950-е годы.

Ну, а первый из упомянутых выше струйных фонтанов Ержемского Г. И. был установлен в усадьбе Ермакова А.В..

Что же собой представляла усадьба Ермакова А.В. той поры, которая так привлекательно, с упоминанием «небольшого пруда с декоративными рыбками и водяного каскада, спускающегося в речку Муромку» описана выше?

Зрительно представить её сейчас в доподлинном, а не в воображаемом виде, сейчас просто не представляется возможным. Никаких изображений этой усадьбы – рисунков, картин, фотографий и т.п. – к сожалению, не сохранилось, или, по крайней мере на сегодня, не выявлено.

Не сохранилось никаких изображений не только усадьбы, но и самого дома Ермакова А.В. в его неискаженном виде того времени.

Как известно, дом этот после смерти Ермакова А.В. был приобретен Муромским купцом первой гильдии Зворыкиным Н.В. и перешел в его домовладение.

Несколько отклоняясь от рассматриваемой темы, не могу хотя бы бегло не коснуться этой весьма неординарной личности, известного, прежде всего, в качестве Муромского крупного предпринимателя – промышленника прошлого времени.

Зворыкин Николай Васильевич (1826 – 1896) - это один из моих общих предков, старший брат моего родного прадеда Муромского купца-промышленника Василия Васильевича Зворыкина (1829 – 1899). Зворыкин В.В., хотя и был известным в Муроме человеком, особыми наградами и почетными званиями отмечен не был, в отличие от своего старшего брата Н.В. Зворыкина. Тот именовался тогда как «потомственный почетный гражданин, член учетного комитета Государственного банка, кавалер ордена Св. Анны», (именно так именует его Барышников М.Н. в своей книге «Деловой мир России» [50]) и отличался тем, что активно занимался самыми разносторонними и при этом новационными видами деятельности, нередко бывая пионером в их освоении.

Так, например, уже упоминаемый здесь Добрынкин В.Н, характеризуя развитие судоходного пароходства на Оке и освоение все новых пароходных маршрутов, отмечал «Наконец, в 1881 году, с открытием навигации 1-й рейс сделал пароход “Ярославль” Н.В. Зворыкина» [36],

Наряду с тем, что Н. В. Зворыкин владел усадьбой, ранее принадлежавшей Ермакову А.В.и был таким образом, как купец 1-ой гильдии, солидным домовладельцем, ему принадлежало и несколько пристаней на Оке, включая пристань в Муроме (см. Илл. 84), пристань в Павлово (см. Илл. 85) и пристань в Нижнем Новгороде (см Илл. 86).

Илл. 84. Пристань Н.В. Зворыкина в Муроме.

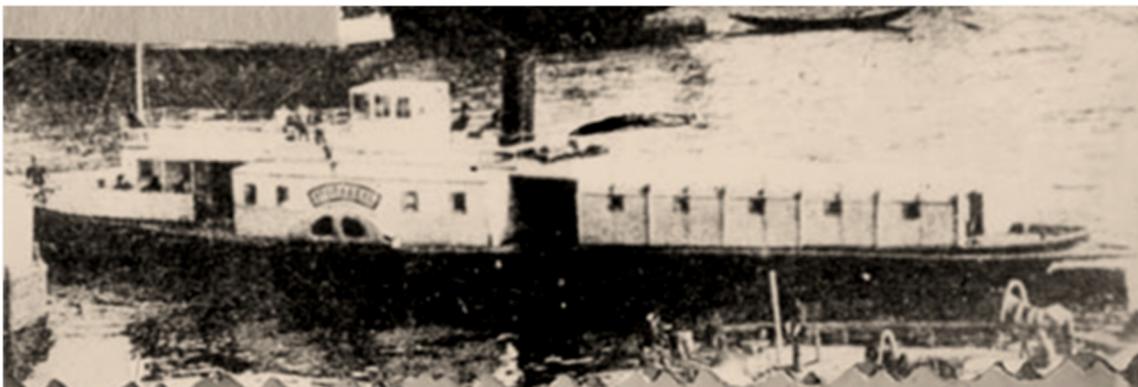
Илл. 85. Пристань Н.В. Зворыкина в селе Павлово.

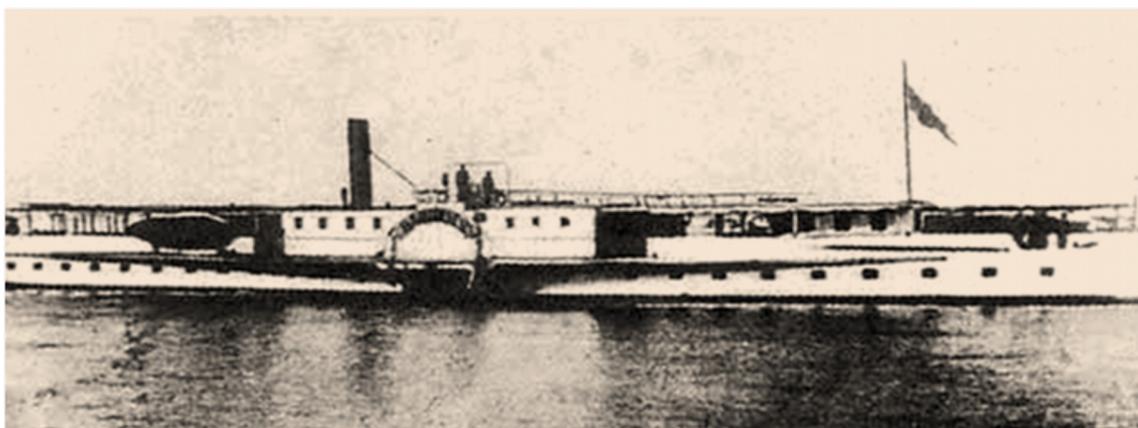
Илл. 86. Пристань Н.В. Зворыкина в Нижнем Новгороде

Последняя из представленных здесь пристаней содержалась Н.В. Зворыкиным и функционировала на паях с его родственником Козьмой Алексеевичем Зворыкиным - отцом изобретателя телевидения Владимиром Козьмичом Зворыкиным, и не случайно на приведенной выше почтовой открытке она именуется «Пристань Зворыкина (Николая Васильевича – Н.З.) и Ко (в лице Зворыкина Козьмы Алексеевича – Н.З.)».

Наряду с пристанями Н.В. Зворыкину, а затем и его наследникам – сыну Константину Николаевичу Зворыкину и невестке Елене Николаевне Зворыкиной - принадлежали несколько пароходов, а точнее – целый ряд пароходов [51], включая : пароход «Ярославль» (см . Илл. 87), пароход «Владелец» (см . Илл. 88), пароход «Зворыкин» (см. Илл.89), пароход «Зворыкинъ» (см. Илл. 90), пароход «Муром». (см. Илл. 91), пароход «Владимир» (см. Илл.92), пароход «Надежда» (см. Илл. 93), пароход «Николай». Последний неоднократно переименовывался, называясь: с 1918 г. – «Ленин», с 1922 г. – «Муром», с 1929 г. – «Декабрист» и с 1948 г. – «А.Н. Островский» (см. Илл. 94).

Илл. 87. Пароход "Ярославль,"(1880 год постройки).

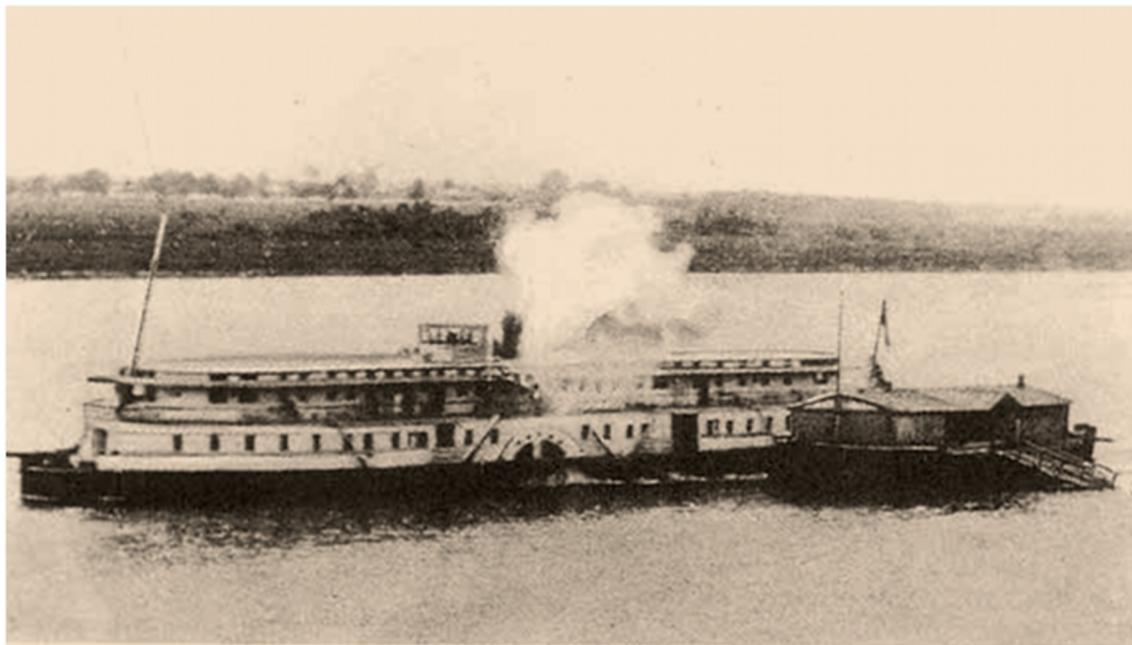
Илл. 88 Пароход «Владелец», (1876 год постройки)

Илл. 89. Пароход "Зворыкин", (1880 год постройки).

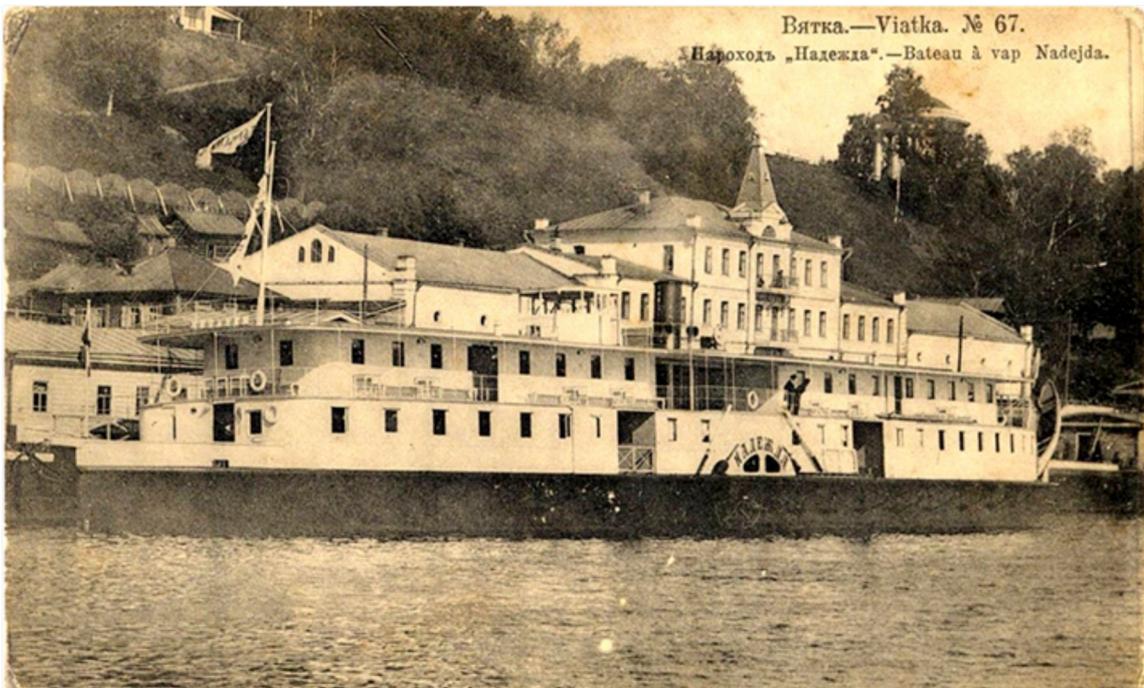
Илл.90. Пароход "Зворыкинъ", (год постройки 1895).

Илл. 91. Пароход «Муром», (1904 год постройки).

Илл. 92. Пароход «Владимир», (1896 год постройки)

Илл. 93. Пароход «Надежда» (1896 год постройки).

Илл. 94. Пароход «А.Н. Островский» - бывший «Николай» (1896 год постройки).

Относительно принадлежности пароходов конкретным владельцам необходимо иметь в виду следующее обстоятельство.

Владельцы пароходов всегда рассматривали их не только как транспортный объект, принадлежащий конкретному лицу, но и как коммерческий объект, подлежащий купле и продаже. Вступление во владение пароходом не означало, что данный пароход закрепляется за владельцем раз и навсегда. Конкретные пароходы могли неоднократно менять своих владельцев; у одних и тех же пароходов могли неоднократно меняться их названия; разные пароходы могли иметь одинаковые названия, и вообще - то говоря тщательно и фактологически обоснованно идентифицировать все это, используя какие-то сохранившие изображения отдельных пароходов, многочисленные учетные документы по ним и т.д. и пр. – всё это будет своего рода «ловлей блох», занятием не только неблагодарным, но и неплодотворным. Так что строго доказательно утверждать, что Муромскому купцу – пароходчику Зворыкину Николаю Васильевичу и его последующим наследникам принадлежали не меньше чем 8 пароходов и среди них были пароходы с названиями: «Владелец» и «Владелец Зворыкин», просто «Зворыкин» и «Зворыкинъ» (с

твердым знаком «ъ» на конце этой фамилии), ну и другое тому подобное – всё это будет никчемным занятием. Тут достаточно констатировать лишь тот неоспоримый факт, что Муромский купец Н.В. Зворыкин был крупным пароходовладельцем.

Наряду с этим он был и владельцем некоторых тогдашних пароходств, имевшихся по рекам Оке и Волге. В 1989 году он стал соучредителем и совладельцем учрежденного по инициативе известного Окского пароходчика Качкова А.В. «Товарищества по Оке» [52].

В книге Красногорской И.К. и Родина Н.А «Окские пароходчики: повести» [53] данному «Товариществу» отведена отдельная глава, в которой приводится довольно обстоятельный отзыв о Н.В. Зворыкине, которого авторы книги характеризуют как «незаурядного и амбициозного человека».

В 1901 году «Товарищество по Оке» распалось, и какими конкретно пароходствами владел после этого Н.В. Зворыкин – по источникам неизвестно. Однако своим прямым наследникам – сыну К.Н. Зворыкину и невестке Е.Н. Зворыкиной – он оставил в их владение «Пароходство по рекам Оке и Волге», что подтверждается документально приведенной на Илл. 95 выпиской (точнее - выкопировкой) из соответствующего статистического источника того времени.

— 102 —		— 103 —		
Наименование промышленного предприятия, его владельца и местонахождение предприятия.	Предметы производства и число рабочих.	Разное предприятия.		Почтовый адрес предприятия, его владельца и правления.
		Отъ ст. желѣзнодорож.	Отъ телеграфной станции.	
Сидорова Федора Сидоровича, д. Городищи, Новосельской волости.	Тоже. 12 чел.	Тоже.	Тоже.	Тоже.
Чупрова Василия Ивановича, с. Вага, Новосельской волости.	Ножи. 15 чел.	38 в. отъ ст. кова.	8 в. отъ ст. Озябликово.	С. Вага.
Широкова Петра Михайловича, д. Еремѣва, Арефинской волости.	Столовые ножи и вилки. 10 чел.	38 в. отъ ст. роховецъ ж. д.	4 в. отъ ст. Озябликово.	Д. Еремѣва.
Пароходство.				
Быкова Иродіона Гавриловича, гор. Муромъ.	По Окѣ и Волгѣ.	Ст. Мур.	Гор. Муромъ.	Гор. Муромъ.
Зворыкиной Елены Николаевны, гор. Муромъ.	По рѣкамъ Окѣ и Волгѣ.	Ст. Мур. Мур. ж.	Гор. Муромъ.	Гор. Муромъ.
Зворыкина Константина Николаевича, гор. Муромъ.	Тоже.	Тоже.	Тоже.	Тоже.

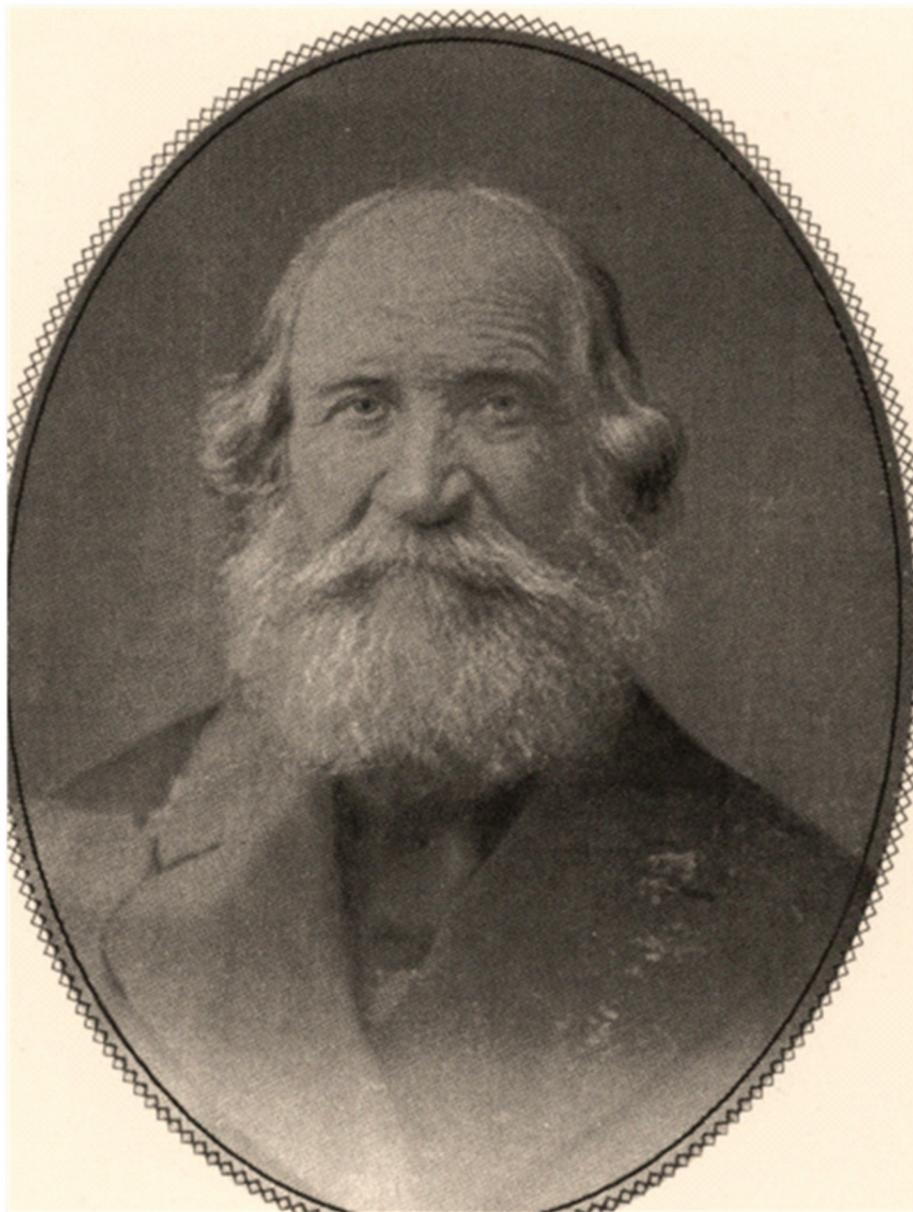
Илл. 95. Выписка из дореволюционного статистического источника со сведениями о промышленных предприятиях в России и их владельцах.

Купец – промышленник Н.В. Зворыкин был владельцем и располагавшегося в Бучихском овраге Муромского чугунолитейного завода с довольно масштабным объемом производства, и оснащенный передовым по тому времени энергетическим и технологическим оборудованием.

К моему великому сожалению, ни одной фотографии Зворыкина Н.В., которая одна мола бы заменить многим (в своем зрительном восприятии для конкретного представления о нем) кучу всяких публикаций, так или иначе затрагивающих эту неординарную личность, до настоящего времени не обнаружено. Возможно хоть какой-то частичной и в довольно малой степени компенсацией этому может являться далее приводимая на Илл. 96 фотография его брата тоже купца – промышленника и тоже владельца Муромского чугунолитейного завода, но уже другого, расположенного у Торского болота, Василия Васильевича Зворыкина (1829 – 1899).

(Примечание: как уже упоминалось ранее, упоминаемый здесь В.В. Зворыкин - это мой родной прадед – Н.З.)

Не обнаружено и ни одной фотографии того времени с видом усадьбы или даже только одного усадебного дома, принадлежавшего ранее А.В. Ермакову и приобретенного после его смерти в свое владение Н.В. Зворыкиным.

Илл. 96. Муромский купец – промышленник В.В. Зворыкин (1829 – 1899)

Поэтому судить как выглядел этот дом в то время – довольно трудно. Сохранилось лишь несколько фотографий этого дома позднесоветского времени (см. Илл. 97 – 99).

Хорошо видные на фотографии, показанной на Илл.97, сохранившиеся остатки лепнины наличников дверных и оконных проемов полуциркульной формы, которую часто использовал в своих архитектурных творениях Г.И. Ержемский, позволяют предположить, что в свое время если не к созданию всего архитектурного облика дома А.В. Ермакова, то к определенному его обновлению, возможно руку приложил и Ержемский Г.И., тем более что он не мог не участвовать в архитектурном оформлении таких гидротехнических инженерных сооружений как «водоструйный фонтан, небольшой пруд с декоративными рыбками и водяной каскад, спускающийся в речку Муромку», которые были устроены (как было отмечено ранее) при строительстве Муромского водопровода в усадьбе Ермакова А.В.

Однако безобразные сегодняшние архитектурные искажения первоначального облика бывшего дома Ермакова А.В., явно видные на показанных далее фотографиях (см. Илл. 97 – 99), не оставили и следа написанного о бывшей усадьбе Ермакова А. В..

Илл. 97. Дом бывшего городского головы Ермакова А.В.. Вид со стороны ул. Ленина.

Илл. 98. Дом бывшего городского головы Ермакова А.В.
Вид со стороны ул. Красноармейской.

Илл.99. Фрагмент фотографии с видом остатков флигеля и ворот у усадебного дома бывшего городского головы Ермакова А.В.

Дом Ермакова А.В. десятилетиями простоял в том виде, в каком он показан на приведенных выше фотографиях. Однако сравнительно недавно был проведен его косметический ремонт и он стал выглядеть более приглядней (см. Илл. 100). Но такой ремонт никак не затронул устранения искажений в первоначальном архитектурном облике дома Ермакова А.В..

Илл. 100. Дом бывшего городского головы Ермакова А.В.
Современная фотография

С началом советского времени водоструйный фонтан Ержемского Г.И. из бывшей усадьбы Ермакова был перенесен в Окский сад (парк им. В.И. Ленина).

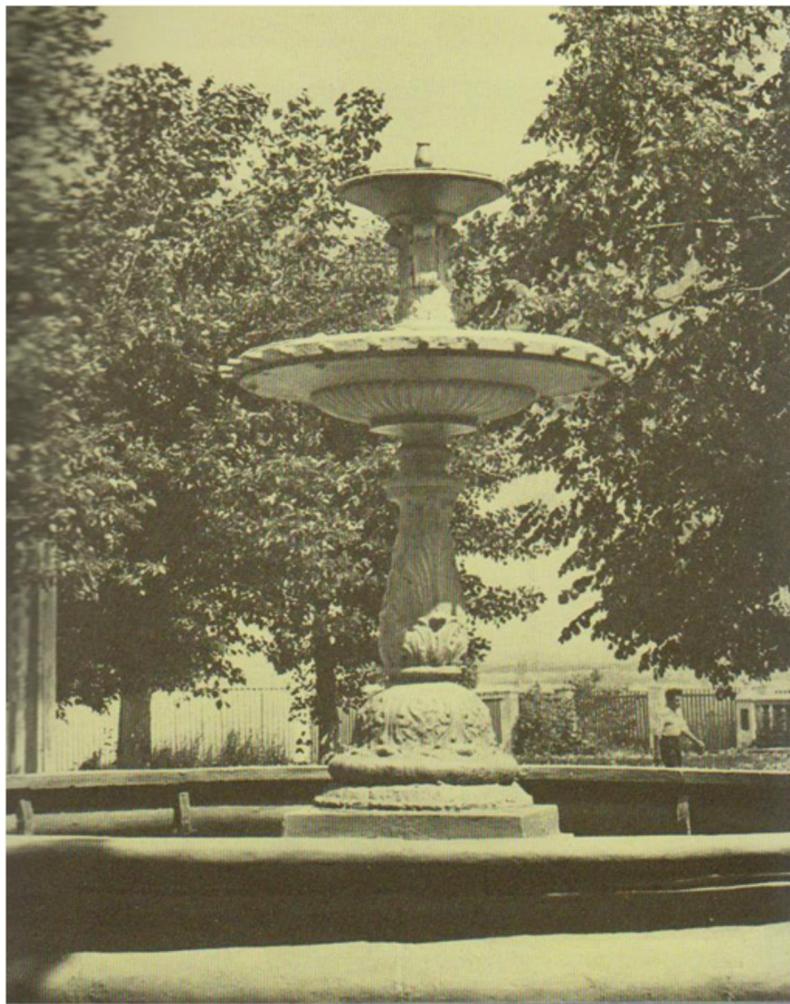
Во всей своей красе данный фонтан предстает перед нами на замечательной фотографии (см. Илл. 101) неоднократно упоминавшегося здесь бывшего главного архитектора города Мурома Беспалова Н.А. [22]. Его снимок фонтана, сделанный у новой смотровой площадки Окского сада, сооруженной вместо привычной прежней веранды, относится к уже к более позднему времени существования фонтана

Первоначально данный фонтан был установлен на одной из аллей Окского сада, в том месте (несколько сбоку аллеи), которое, вместе с фонтаном, показано на Илл.102. Затем фонтан перенесли к веранде Окского сада, и он стал стоять так, как это показано на Илл. 103 – 105. Последнее место его установки - у новой смотровой площадки Окского сада - показано на Илл. 106.

За все время нахождения фонтана в Окском саду он не претерпел каких либо конструктивных изменений, если не считать некоторого несущественного изменения, по сравнению с первоначальной конструкцией, самой верхней части фонтана, которое можно видеть на Илл. 101 и 106.

Показанные на Илл. 101 – 106 фотографии, в том порядке, в котором они приведены здесь (ну, разве что Илл.101 следовало бы поставить перед Илл.106), в сжатом виде являют собой своего рода фотолетопись истории не только установленного в Окском саду водоструйного фонтана Ержемского Г.И., которого можно считать и архитектором, и главным инженером – проектировщиком данного фонтана, но и фотолетопись истории самого Мурома, точнее того его краткого исторического фрагмента, взятого из всей большущей истории Мурома и ограниченного лишь конкретным местом (Муромский Окский сад) и конкретным, микроскопически малым, историческим отрезком времени из этой истории (начало 1920-х годов – конец 1970-х годов). По приведенным фотографиям можно наглядно видеть, как в течение этого периода изменялась архитектура и

ландшафтный дизайн рассматриваемого места, и, главное, как менялись люди, их внешний вид, одежда и все остальное прочее.

Илл. 101 Водоструйный фонтан Ержемского Г.И. в Муромском парке им. В.И. Ленина.
Фотография Н.А Беспалова.

Илл. 102. Фотография фонтана на аллее Окского сада.

Илл. 103. Фотография фонтана у веранды Окского сада.

Илл. 104. Еще одна, более поздняя, фотография фонтана у веранды Окского сада.

Илл. 105. И еще более поздняя, фотография фонтана у веранды Окского сада.

Илл. 106. Фотография фонтана у новой смотровой площадки Окского сада.

Наряду с сооружением в городе водоразборного фонтана проектом Муромского водопровода, разработанным Ержемским Г.И., предусматривалось строительство и таких городских водоразборных сооружений, как водоразборные будки, являющиеся теми конечными пунктами в системе городского водопровода, откуда питьевая вода забиралась горожанами в их ведра, бидоны, бадейки, кадушки и т.п. и др. для их непосредственного пользования.

Но прежде чем рассматривать конкретные Муромские водоразборные будки, необходимо разобраться с той, используемой во времена Ермакова А.В., терминологией, и понятиями того времени, которые касаются городских водоразборных сооружений.

В качестве таких сооружений тогда использовались водоразборные фонтаны, водоразборные будки и позднее, после изобретения французом Анри Жиффаром в 1858 году эжектора (и, соответственно, - инжектора) - уличные водоразборные колонки.

(Примечание: применение эжекторно – инжекторных устройств предотвращало скопление воды в колонке и её замерзание с разрывом водопроводных труб при морозах, а все водоразборные будки были отапливаемые и там такого произойти не могло)

Начать же разбираться с терминологией надо с того, что тогда и водоразборные фонтаны, и водоразборные будки назывались одинаково одним словом - «фонтаны».

Вообще говоря, слово «*фонтан*» (от итал. *fontana* и лат. *fons* или *fontis*) в буквальном смысле означает «*источник*» и в чисто житейском понимании горожан прошлого времени означало специальное городское сооружение, созданное прежде всего в утилитарных целях, как источник для набора питьевой воды, обычно поступавшей в данное сооружение под определенным напором.

Декоративное использование фонтанов в качестве своеобразных инженерно – архитектурных украшающих городских объектов, в которых используется зрительный эффект от выбрасываемой под давлением или льющейся под напором воды, образующей водяные струи, тогда в городах, за исключением, может быть, столичных, было тогда большой редкостью.

Ну, а в наше время городские водоструйные фонтаны – это сооружения уже не утилитарного, а, наоборот, - чисто декоративного предназначения; сейчас это - украшающие архитектурно – художественные объекты, своеобразные элементы ландшафтного дизайна города.

Как уже было отмечено, в соответствии с разработанным Ержемским Г.И. проектом городского водопровода в Муроме были установлены: один водоразборный фонтан (на Рождественской площади) и два водоструйных фонтана (в усадьбе Ермакова А. В. и в Троицком монастыре), т.е. всего – три фонтана.

Ну, а ответ на то: сколько водоразборных будок было установлено тогда в Муроме и где конкретно они располагались – содержится в уже упомянутой книге Добрынкина В.Н. «Муром прежде и теперь» [36], изданной в 1903 году

Вот выдержка из данной книги:

«**Фонтаны.** Сооружены в 1864 г. местным купцом, городским головой А.В. Ермаковым на собственные денежные средства. У подножия Воеводской горы, возле Оки устроена паровая водокачка, которая питает фонтаны: при водонапорной башне; на углу улиц Вознесенской и Рождественской; на углу Ивановской улицы и торговой площади; на конной площади; на дворе дома бывшего Ермакова; в саду у него же; в девичьем Троицком монастыре; на углу улиц: Московской и Прудовой; Миллионной (Никольской – Н.З.) и Козмодамианской; Миллионной и Николо - Можайской; Рождественской и Сретенской; Касимовской и Николо – Можайской; Касимовской и Овражной; Миллионной и Фабричной; Ярморочный при начале Вознесенской улицы. Таким образом для общественного пользования открыто 16 фонтанов. Независимо того водоснабжение проведено во все казенные здания и многие частные дома».

(Примечание: В этом своем описании прежнего Мурома В.Н. Добрынкин не совсем точен, а именно:- водокачка питала не фонтаны, а водонапорную башню, и уже из неё вода поступала ко всем водоразборным сооружениям;

-не указал он и того, что строительство городского водопровода продолжалось и в дальнейшем и, как отмечено в источнике [49]: «были построены водопроводные сети и фонтаны (то есть водоразборные будки – Н.З.) в районе Штаба за Успенским оврагом, а также в южной части города вблизи Воздвиженского храма (Крестовоздвиженской церкви – Н.З.)».

Если в соответствии с указанными Добрынкиным В.Н. местам установки водоразборных будок обозначить такие места соответствующими обозначениями (белыми точечными кружочками) и нанести их на так называемый «Шубинский» «План уездного города Муром», то получится наглядная картина (см Илл. 107) распределения водоразборных пунктов на территории города согласно проекту Муромского водопровода, разработанному Г.И. Ержемским.

Илл. 107. Распределение водоразборных пунктов (обозначены белыми кружочками) на территории города Муром. Конец 1860-х годов.

Картина, надо сказать, получается весьма интересная: она еще раз показывает насколько рациональными были все инженерные решения, принятые Ержемским Г.И. при проектировании и сооружении Муромского водопровода.

Как видно из этой наглядной «картинки», наибольшая концентрация пунктов разбора питьевой воды находилась в местах наиболее массового нахождения горожан и всех приезжих в городе, как в обычные, будние, так, и особенно,- в базарные дни.

Такой выбор Ержемским Г.И. мест установки пунктов разбора воды, поступающей из городского водопровода, не только свидетельствует о рациональности его решения в данном конкретном случае, но и лишний раз подтверждает значимость его, как крупного специалиста в области проектирования и создания масштабных гидротехнических сооружений, каким на то время по полному праву можно считать созданный им Муромский водопровод.

Да, он не был «творцом русского водопроводного дела», как упоминаемый ранее А.И. Дельвиг, или таким известным изобретателем в этой области, как тоже упоминаемый здесь Анри Жиффар, но по своему умению находить оптимальные решения из множества возможных и продуманно использовать в своих инженерных разработках все самые последние известные на то время новации, он не уступает ни тому, ни другому.

Особенно ярко действительная значимость Ержемского Г.И., как инженера – проектировщика Муромского водопровода, его компетентность в этом и знание им дела, проявляется в сравнительном сопоставлении созданного по его проекту Муромского водопровода с теми аналогичными городскими водопроводами, какие были созданы в Симбирске, Калуге, Тюмени, том же Нижнем Новгороде, где разработчиком проекта городского водопровода был А.И. Дельвиг, да и во многих других городах.

Не получил же Ержемский Г.И. заслуживаемого им признания, как можно предположить, прежде всего, из-за своего нрава и характера. Ведь на его жизненном пути не нашлось «лиц, принимающих решения» (а так в современном менеджменте называют тех лиц, которые при осуществлении какой либо деятельности наделены полномочиями по принятию решений и несут ответственность за принятые ими решения), которые бы нашли с Ержемским Г.И. общий язык и могли бы вполне ладить с ним. Таких лиц было всего, как говорится, «раз (Ермаков А.В.), два (Богданович Е.В.) и обчелся (не установлено никого)».

Далеко не все из водоразборных Муромских сооружений прошлого остались запечатленными на старых фотографиях или почтовых открытках. Но всё же сохранился целый ряд таких старинных фотографий и почтовых открыток, на которых хорошо просматриваются либо сами такие сооружения, либо места их установки, а сами они тоже просматриваются, но гораздо хуже - в более мелком масштабе.

Последнее, в частности, относится к почтовой открытке, на которой фигурирует Муромский водоразборный фонтан (см. Илл. 108).

Илл. 108. Водоразборный фонтан (на снимке слева) на Рождественской площади.

Фонтан на показанной открытке на снимке расположен слева по центру перед двухэтажным каменным домом с мезонином (так называемым «домом Константинова»).

Особенно много сохранилось старых почтовых открыток и фотографий, на которых засняты городские водоразборные будки на Рождественской улице.

Строго говоря на этой улице было установлено всего две водоразборные будки, но одна из них, первоначально установленная возле водонапорной башни и обслуживающая водопойную колоду для лошадей (см. Илл. 109), постоянно меняла свое местоположение на участке данной улицы, ограниченном Рождественской площадью

Илл. 109. Водоразборная будка (на снимке справа) у водопойной колоды для лошадей

Далее здесь показана почтовая открытка с видом Рождественской улицы (см. Илл.110), на которой можно видеть ту же водоразборную будку, но уже стоящую на другом месте - в самом центре Рождественской площади.

Илл. 110. Один из видов Рождественской улицы в прежнем Муроме.

Заснятая в другом ракурсе эта же водоразборная будка и на том же месте показана на фотографии, приведенной на Илл. 111. На этой же фотографии можно видеть и городской водоразборный фонтан (на снимке он расположен выше водоразборной будки, прямо перед «домом Константинова»). А вот водопойной колоды для лошадей, которая,

как можно видеть на других фотографиях, обычно располагалась перед водоразборной будкой, на данном снимке почему - то нет

(Примечание: Надо заметить, что названная водопойная колода очень хорошо крупным планом показана на ранее приведенной Илл. 40. Там, на закрывающем колоду переднем щите можно даже разглядеть надпись крупными буквами :«БИРЖА». Да, там в то время располагалось место стоянки извозчиков, обозначаемое как «биржа»; но, кроме того, согласно словарю Даля В.И. [55] слово «биржа» могло также означать «колода или ясли извозчиков, на улицах и площадях», т.е. оно вполне применимо и для обозначения уличной колоды для водопоя лошадей).

Илл. 111. Одна из фотографий Рождественской площади в прежнем Муроме.

А на Илл.112 показана та же водоразборная будка, но перемещенная на другое место - впритык к Предтеченской церкви.

Илл. 112. Еще одна фотография Рождественской площади в прежнем Муроме.

Та же водоразборная будка показана и на приведенной в журнале «Живописная Россия» фотографии под названием «Базаръ въ г. Муроме» (см. Илл. 113).

БАЗАРЪ ВЪ Г. МУРОМЪ.

Илл. 113. Фотография из журнала «Живописная Россия»

Последняя по времени съемки фотография всё той же, и ещё действующей тогда, водоразборной будки на той же Рождественской улице (но называемой уже улицей Ленина) представлена на Илл.114.

Илл. 114. Фотография последней действующей водоразборной будки на ул. Ленина.

Время съемки показанной на Илл.114 фотографии можно предположительно датировать серединой 1930-х годов.

Вторая, совершенно другая по своему внешнему виду, в отличие от показанной ранее, водоразборная будка, установленная тоже на Рождественской улице, но на южном её конце, показана на Илл. 115

Илл. 115. Водоразборная будка (на снимке слева) на южном конце Рождественской улицы .

Еще одна водоразборная будка была установлена за Предтеченской церковью на Базарной площади (см. Илл. 116).

Илл. 116. Водоразборная будка (на снимке слева) на базарной площади возле Предтеченской церкви.

Еще одна водоразборная будка в виде каменного архитектурного сооружения, спроектированная Ержемским Г. И. в классическом неоготическом стиле, была построена возле Николо – Можайской церкви (см. Илл. 117).

Илл. 117 Водоразборная будка (на снимке слева) у Нтколо – Можайской церкви.

И еще одна шестиугольная в плане водоразборная будка, также спроектированная Ержемским Г.И. и тоже в неоготическом архитектурном стиле, была установлена на углу улиц Московской и Полевой (см. Илл. 118). Она интересна тем, что на её верхней части установлены такие же вазоны, какие установлены наверху городской водонапорной башни.

Илл. 118. Водоразборная будка на углу улиц Московской и Полевой.

И, наконец, завершающая рассмотрение всех Муромских водоразборных будок, самая примечательная из них, если относить такую примечательность к сегодняшнему нашему времени, и также спроектированная Ержемским Г.И. водоразборная будка, была установлена на Никольской (современной Первомайской) улице.

В том виде, в каком данная водоразборная будка дошла до начала 1990-х годов, она была запечатлена на выполненной бывшим Главным архитектором Муром Н.А. Беспаловым и опубликованной в его книге «Муром, Памятники архитектуры и искусства» [22]. фотографии, представленной на. Илл. 119,

Илл.119. Водоразборная будка на Первомайской улице.
Фото Беспалова Н.А. *Конец 1980-х гг.*

В наше время эта водоразборная будка, теперь уже переименованная, выглядит такой, какой она в различных видах показана на Илл. 120 – 123.

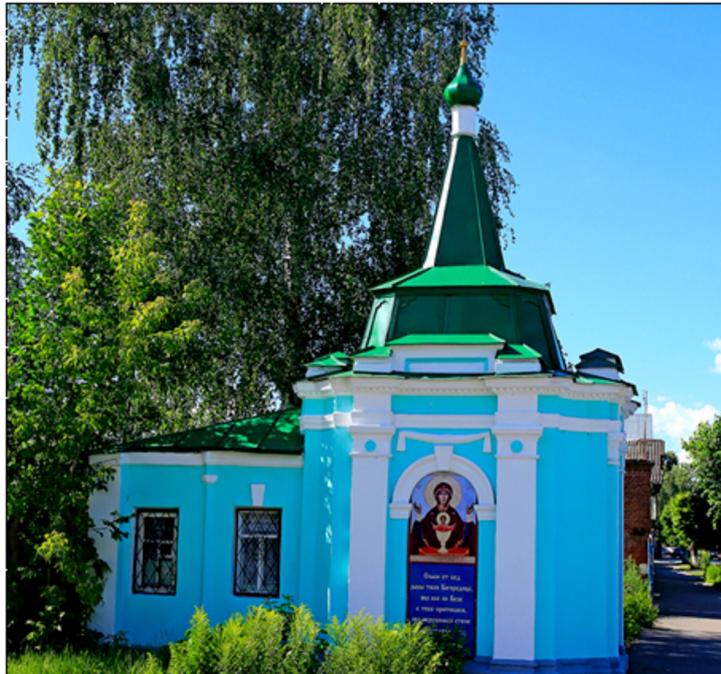
Илл. 120. Современный вид бывшей водоразборной будки
на Первомайской улице .

Илл. 121. Еще один вид бывшей водоразборной будки на Первомайской улице

Илл.122. И еще один вид бывшей водоразборной будки на Первомайской улице

Илл. 123. И завершающий приведенные иллюстрации вид бывшей водоразборной будки на Первомайской улице.

Как видно из великолепных фотографий, выполненных местными Муромскими фотографами, сейчас построенная в 1864 году Муромская городская водоразборная будка воссоздана в своем изначальном виде и можно только порадоваться за жителей Муром и всех гостей города, которые теперь могут лицезреть этот шедевр архитектуры малой формы во всей его красе.

Но тут возникает вот такая «закавыка».

Проектировал это сооружение, являющееся с архитектурной точки зрения воплощением классического лютеранского неоготического архитектурного стиля, убежденный в своей лютеранской вере, лютеранин Ержемский Г.И.. А сейчас это сооружение стало вдруг объектом православного церковного культа, в котором РПЦ совешает свои православные церковные обряды.

Встает вопрос: как все это соответствует нашим православным церковным канонам?

Ведь трудно представить себе, что, например, в мусульманской мечети соорудили бы православный алтарь и стали справлять там православные церковные обряды. Такое будет явным святотавством и кощунством. Конечно, именно такое предположение - явно утрировано, но, по существу, в случае с явно лютеранским, пусть и гражданским сооружением, переделанным в православную часовню, это выглядит именно так.

И не случайно, такой убежденный ортодокс в вопросах православной веры и православной обрядности, как Ермаков А.В., согласился с тем, что все сооружения Муромского водопровода по своему архитектурному стилю соответствовали (по проекту разработанному Ержемским Г.И.) лютеранскому неоготическому стилю; но, в чем он был твердо убежден, одно из сооружений городского водопровода – часовня, предназначенная для проведения по крещенским дням церковного обряда освящения воды, поступающей в городской водорозвод - обязательно по своей архитектуре должна была строго соответствовать классическому русскому православному стилю, что и было тогда соблюдено Ержемским Г.И., и такая часовня – часовня Иконы Божией Матери «Животворящий Источник» - была тогда выстроена именно в русском классическом архитектурном стиле (см .Илл. 21).

Думается, что если у Муромского православного сообщества есть потребность иметь как объект православного культа наряду со многими другими, имеющимися в Муроме такого рода объектами, еще одну православную часовню, то можно было бы воссоздать часовню Петра и Февронии, этих особо почитаемых в Муроме святых.

Такая часовня уже была в Муроме, и располагалась она на выбранном Ермаковым А. В. новом месте городской ярмарки (см. Илл. 124, 125).

Илл. 124. Муромская ярмарка. Вид на часовню Петра и Февронии (на снимке справа).

Илл. 125. Муромская ярмарка. Вид на часовню Петра и Февронии (на снимке слева).

Можно было бы также воссоздать утраченную часовню Святого Михаила «убиенного Муромского князя» (см. Илл. 126), или даже тоже давно утраченную «Надкладезную часовню на Штапу», построенную еще при А.В. Ермакове, которая судя по сохранившейся старой фотографии (см. Илл. 127) была «чудо как хороша».

Да мало ли есть в Муроме и других исторических архитектурных объектов, которые можно было бы воссоздать и возродить их в качестве объектов церковного православного культа. Ну, а спректированную талантливым инженером и архитектором ,лютеранином Ержемским Г.И. в классическом для лютеран, так называемом, лютеранском неоготическом архитектурном стиле, неповторимую по своему внешнему виду, как архитектурное сооружение малых форм, построенную в 1864 году водоразборную будку стлило бы оставить только как исключительно музейный объект.

Илл. 126. Михайловская часовня. Муром. 1910-е годы.

Илл. 127. Надкладезная часовня на Штапу. Муром. Фото начала 1900-х годов.

Возвращаясь в завершение данной публикации снова к личности Ержемского Г.И. и оценивая через призму более полутора веков прошедшего времени принятые им инженерные решения при проектировании и сооружении Муромского городского водопровода поражаешься их рациональности. Не прибегая в подтверждение этого к возможным многочисленным цифровым и другим пояснениям, здесь уместно привести лишь две иллюстрации (см. Илл.128, 129) весьма наглядно демонстрирующие продуманность и рациональность разработанного Ержемским Г.И. проекта Муромского городского водопровода.

Первая иллюстрация (Илл. 128) – это фотография просто необозримой очереди Москвичей к Самотёчному водоразборному фонтану за водой для бытовых нужд, поступающей туда по Московскому городскому водопроводу..

Илл. 128. Очередь к Самотёчному фонтану в Москве. *Фото конца 1890-х гг.*

Вторая иллюстрация (Илл. 129) – это фотография обычной для того же времени обстановки у водоразборных будок Муромского водопровода (в данном случае у будки на углу улиц Московской и Полевой).

Илл. 129. Водовоз у водоразборной будки в Муроме. *Фото начала 1900-х гг.*

Думается, что какие-либо комментарии к приведенным иллюстрациям попросту излишни.

Конечно, Москва и Муром несопоставимы по своим масштабам и, в первую очередь, по численности населения. Ержемский Г.И., проектируя Муромский водопровод, закладывал в проект соответствующие технические характеристики в расчете на перспективу развития города, рост его населения. Но он не мог рассчитывать на появление каких-то еще неизвестных тогда инженерных новшеств в области водопроводных сооружений, не мог он предусмотреть и того, что примененные им новшества в этой области в виде городских водоразборных будок, заменивших тогда в водопроводных системах городские водоразборные фонтаны, в свою очередь сами, хотя и не в не таком скором будущем, тоже потребуют замены.

А именно так и получилось. На смену городским водоразборным будкам пришли уличные водоразборные колонки, незамерзающие зимой, компактные, малогабаритные в своей надземной части, удобные для пользования.

Одна из таких колонок, установленная возле бывшей Муромской водоразборной будки, называемой в настоящее время часовней Иконы Божией Матери «Неупиваемая Чаша», показана на фотографии, приведенной на Илл.121 (на снимке она справа внизу).

Подытоживая все это, надо сделать тот вывод, что исследуя нашу историю и ностальгируя об ушедшем или еще уходящем прошлом, нельзя в своих исторических исследованиях не замечать действующего во все исторические времена неотвратимого закона постоянного научно-технического прогресса и ускоренного, просто лавинообразного, изменения на этой основе всей технической базы общества. Таким научно-техническим изменениям, их закономерностям, их конкретным особенностям в конкретные исторические периоды времени своим историкам следует уделять больше внимания в своих так называемых «сугубо исторических» исследованиях.

ИСТОЧНИКИ (ЛИТЕРАТУРА)

1. Сорок сороков. Толкование. *Словари и энциклопедии на Академике* // dic.academic.ru>dic.nsf/ruwiki/1402796
2. Стрепетова П.А. Воспоминания и письма. – М.–Л. :Изд-во «Academia», 1934 г. – 589 с. : ил.
3. Муром // vladweb.narod.ru>travel/russia/murom/murom.htm
4. Сазонова Е.И. «С ДОБРОЙ СОВЕСТЬЮ И НЕЗАЗОРНОГО ПОВЕДЕНИЯ...» (К ИСТОРИИ ГОРОДСКОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В МУРОМЕ), Муромский историко-художественный музей // archive.li>xEjQP
5. Богданович Е. В. Памяти русского гражданина Алексея Васильевича Ермакова // Владимирские губернские ведомости. – 1869. – № 41.
6. Матонина Элла "Алеша Муромец", газета "Культура" от 19.06.2016 г. // portal-kultura.ru>Свой IV>Статьи>Живая история>...-alesha-muromets
7. Дело о разрешении постановки в зале Городской Думы портрета Городского головы и кавалера Ермакова. Начато 25 ноября 1866 – окончено 28 января 1867 г., МИХМ. – Инв. № М-9765. – Л. 4.
8. Черноруков Егор, Два портрета актрисы Стрепетовой // chernorukov.ru>articles/?article=302
9. Фасман Е. В., Александр Константинович Ержемский – первый фотограф русского музея Императора Александра III // kunstkamera.ru>files/lib/978...88431284...978...88431
10. Георгий Иванович Ержемский // rgfond.ru>person/122940
11. Институт Корпуса инженеров путей сообщения // dic.academic.ru>dic.nsf/ruwiki/940508
12. Корпус инженеров путей сообщения // . dic.academic.ru>dic.nsf/ruwiki/1529386
13. Список дворянских родов Владимирской губернии // goldarms.narod.ru>vladimir.htm

14. Королев Владимир, ВЯКСА, XIX век. Мой музей // korolevofvyksa.livejournal.com/6584.html
15. Фрейд, Зигмунд. Толкование сновидений / Зигмунд Фрейд – Минск: Попурри, 1998. 576 с.
16. Ямшанов, И.В. Архитектура неоготического стиля в России второй половины XVIII – середины XIX вв.: монография / И. В. Ямшанов; СПбГАСУ. – СПб., 2014. – 316 с.
17. Ямшанов И.В. Неоготика в русской архитектуре второй половины XVIII-XIX вв.: Учебное пособие. – СПбГАСУ. – СПб., 2015. – 276 с.
18. Ямшанов И.В. Эволюция применения неоготических форм в русской архитектуре XVIII-XIX вв. / Доклады 70-й научной конференции профессоров, преподавателей, научных работников, инженеров и аспирантов университета: в 3 ч.; СПбГАСУ. – СПб., 2014. С. 155-159.
19. Баранова М.Г. диссертация на тему: "Готический стиль" в русской архитектуре второй половины XVIII - начала XX вв.", Год: 2005 // dissercat.com...goticheskii...arkhitekture...poloviny...
20. Михалев Владимир, Лютеранские церкви России // luterane-ekb.ru...publikatsii...lyuteranskie-tserkvi...
21. Муром прошлого будущего отца телевидения Зворыкина В.К. Часть II. zvorykins.ru/Публикации/murom_proshlogo
22. Беспалов Н.А., Муром, Памятники архитектуры и искусства, М.: Изд-во «Советская Россия», 1990, 272 с.
23. Анапольская Е.Н., Белова О.А. Водонапорные башни России.// Энергия: экономика, техника, экология, 2012, № 8, с.72-80.
24. Пупырев Е.И., Балова О.А. Из дальних лет. Мытищинский водопровод | Московский Журнал // mosjour.ru/2017062740/
25. Фотографии Калуги и Калужской области // kalugafoto.narod.ru/biblio-otk.html
26. Имена и даты. Ярославскому водопроводу — 130 лет. // yararchive.ru/publications/details/97/
27. Фридгельм Евгений, Калужские свалки и помойки, возникновение водопровода и канализации // kompas-kaluga.ru/historyitem/4985/
28. Храмцов А. Б., Тюменские власти в деле организации водоснабжения города в 1862 – 1919 годы // emsu.ru/khramtsov/files...власти в...водоснабжения.pdf
29. История тюменского водоканала — ООО «Тюмень...» // vodokanal.info/О_предприятии/История_тюменского_водоканала
30. Муромский водопровод - Муром - История - Каталог... // lubovbezusl.ru/publ/istorija/murom/m/48-1-0-2959
31. Оптический телеграф: история, принцип работы // fb.ru/article/336870/opticheskiy-telegraf...raboty
32. Обеспечение пожарной безопасности в XIX веке // 28.mchs.gov.ru/Пресс-центр/Новости/item/1148045
33. Горская Анна. Муромский пожарный В.М. Емельянов. // .. citymemories.ru/stories/696/
34. Кочетов Андрей. Владимир Макарович Емельянов (1847-1923)...Муром // ok.ru/muroms/topic/67528014430448
35. Емельянова Е.В., Дневник В. М. Емельянова - «Муромский музей» // museum-murom.ru/scientific-work/sources...emelyanova
36. Добрынкин В.Н., Муром прежде и теперь / В. Добрынкин. - Москва : Рус. худож. тип. Д.Н. Корнатовского, 1903. - 87 с. : ил.; 18.
37. Система оповещения о пожарах в столице Российской империи в XIX веке // studik.net/sistema-opoveshheniya-o-pozharax-v-...
38. Абрамов В.А., Глуховенко Ю.М., Сметанин В.Ф. История пожарной охраны. Краткий курс: Учебник: В 2 ч. Ч. 1 / Под ред. проф. В.А. Абрамова. – М.: Академия ГПС МЧС России, 2005. – 285 с.
39. Что такое ночевать под шарами. // .. frazеolog_ru.academic.ru/311/ночевать_под_шарами
40. О пожарных в дореволюционной Москве // kapuchin.livejournal.com/532266.html
41. Пульт оперативно-диспетчерской связи пожарных и аварийных служб

- муниципальных образований (ПОДС ЕДДС «01») // nsis.cleper.ru/ProdRabotUsi/Pult/пульт-реклама.htm
42. Соколов Н.А., Семь аспектов развития сетей доступа // niits.ru/public/2005/2005-073.pdf
43. Пути сообщения и народная связь Муромского округа Нижегородского края lubovbezusl.ru/publ/istorija/murom/i/48-1-0-2955
44. Муромское военное училище связи Википедия wikiredia.ru/wiki/Муромское_военное_училище_связи
45. Фонтан Витали на Театральной площади Москвы // ProgulkiPoMoskve.ru/...fontany...vitali_na_teatralnoj...
46. Московские водозаборные фонтаны и водопровод // new-rus.livejournal.com/24292.html
47. Объекты культурного наследия Мурома -> Архитектурный гид. // .. murom.giddom.com/rus/dop_info/104.html
48. Беспалов Н.А., Муром. Памятники искусства XVI - начала XIX века. Очерк, Верхне – Волжское книжное издательство, Ярославль, 1971. – 128 с.
49. МУП "Водоканал". История развития Муромского водопровода. // vodokanal.hut2.ru/O_предприятия
50. Барышников М.Н., Деловой мир России // booksite.ru/localtxt/del/ovo/delovoi_mir/12.htm
51. Каталог дореволюционных пассажирских судов Волжского бассейна // oldriver.ru/SB/Ships.html
52. Пароходство на Оке // касимов-62.рф/67-пароходство-на-оке.html
53. Окские пароходчики: повести / И.К. Красногорская, Н.А. Родин; Ред. Т.И.Банникова, И.К. Красногорская. – Рязань: Издатель Ситников, 2009. – 272 с.
54. Даль В.И. ,Толковый словарь живого великорусского языка (в 4-х томах), Издательство: С.-Петербург - Москва: Издание книгопродавца-типографа М. О. Вольфа, Год выпуска: 1882, Количество страниц: 2800.

**Автор публикации, к. т. н.
Зворыкин Н.М.,
25 января 2018 года**